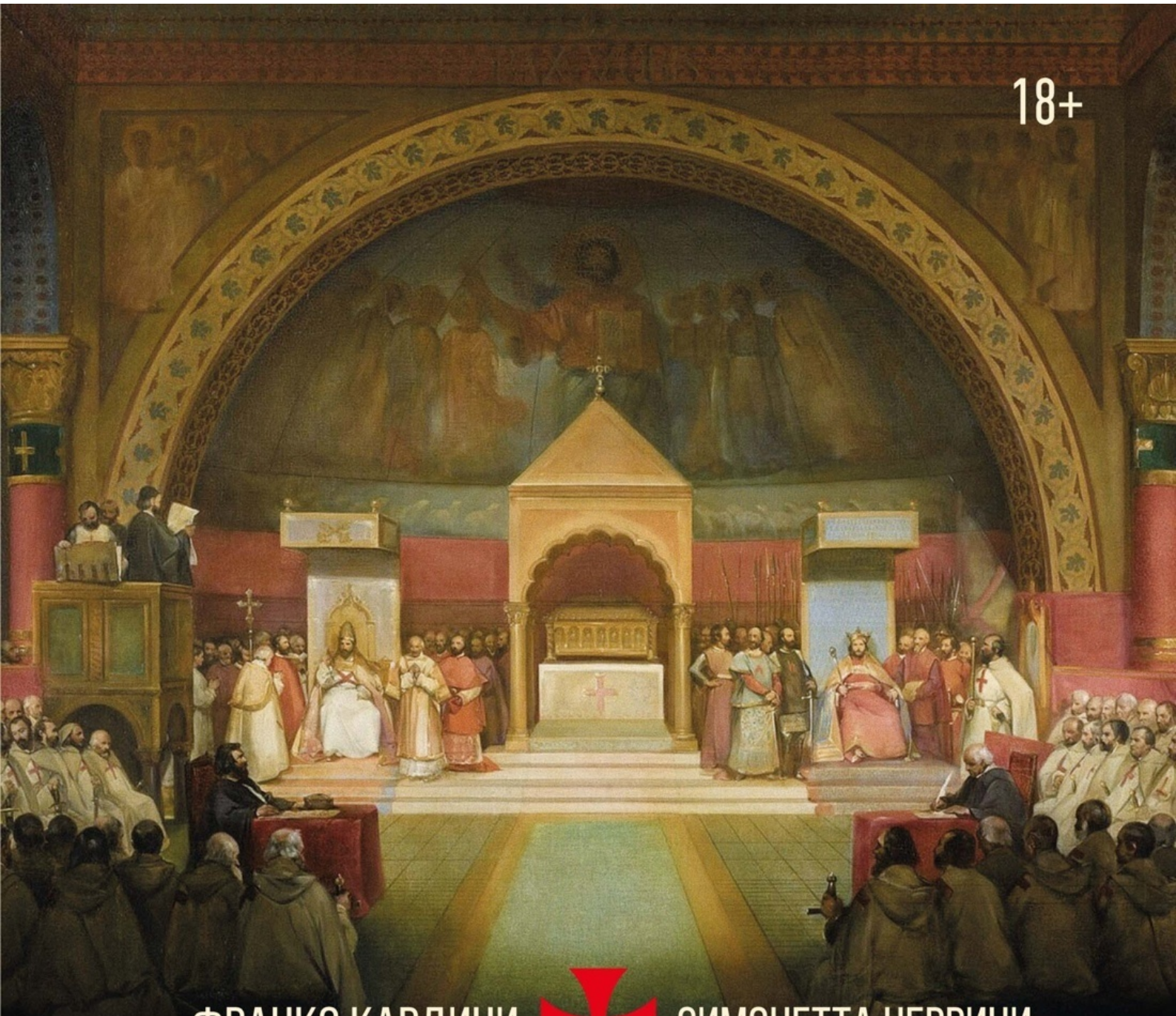

18+

ФРАНКО КАРДИНИ

СИМОНЕТТА ЧЕРРИНИ

ТАМПЛИЕРЫ

ИСТОРИЯ ОРДЕНА В ВОСЬМИ АРТЕФАКТАХ

Исторический интерес

Франко Кардини

Тамплиеры. История ордена в восьми артефактах

«Азбука»
2019

УДК 929.712
ББК 63.3(4)4

Кардини Ф.

Тамплиеры. История ордена в восьми артефактах / Ф. Кардини — «Азбука», 2019 — (Исторический интерес)

ISBN 978-5-389-35712-9

Франко Кардини и Симонетта Черрини, ведущие итальянские специалисты по ордену тамплиеров, убеждены, что история не ограничивается страницами книг – она живет в артефактах, оставленных нам временем, причем именно в них она проявляется ярче всего. Авторы книги приглашают нас в идеальный музей, где в освещенных витринах открывают свои тайны портал тамплиерского храма, магическая формула, печать, ключ, колокол, тиара и другие «хранители истины». Очищенные от пыли веков, эти предметы рассказывают историю тамплиеров по-новому – от момента создания ордена до его трагической гибели и посмертной жизни в легендах. Мы разгадаем тайны архитектуры тамплиеров, узнаем, какой смысл скрывался за изображением двух рыцарей на их загадочной печати, погрузимся в повседневные ритуалы, проследим за неуловимыми масонскими и розенкрейцерскими ложами и убедимся, что подлинная история превосходит самые смелые фантазии романистов.

УДК 929.712
ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-389-35712-9

© Кардини Ф., 2019
© Азбука, 2019

Содержание

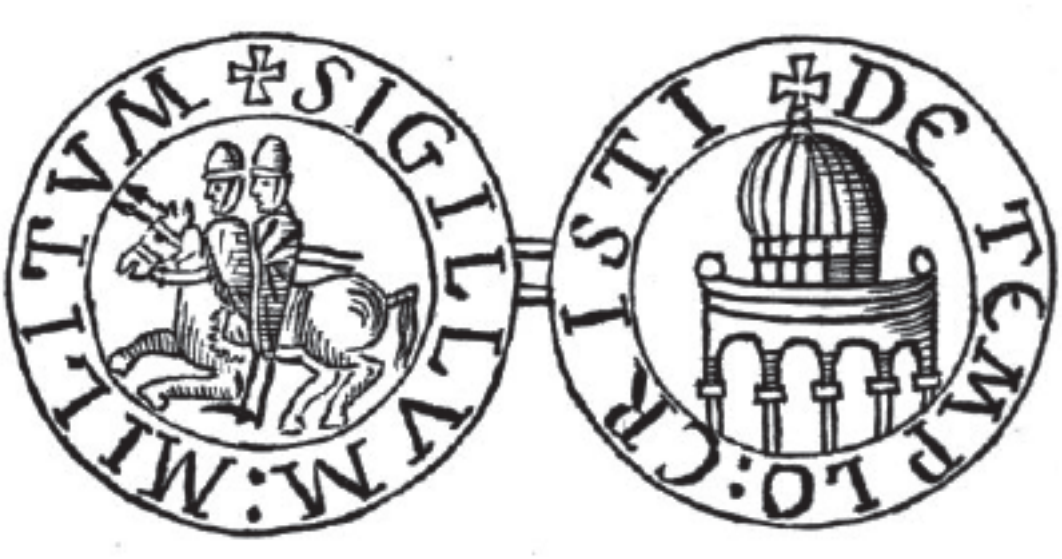
Предисловие 10
Введение 12
Каково это – быть bellator, то есть воином, в начале второго тысячелетия? 14
Как стать воином христовым, или Miles Christi 22
Осененные крестом 32
Бедные рыцари Христа и Храм Соломона 35
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Франко Кардини, Симонетта Черрини Тамплиеры. История ордена в восьми артефактах

Franco Cardini, Simonetta Cerrini
STORIA DEI TEMPLARI IN OTTO OGGETTI

All Rights Reserved
© 2019 DeA Planeta Libri S.r.l. www.deagostinilibri.it
© Ляпунова М. М., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

* * *

«Кем были тамплиеры?

Таинственной сектой, которая сектой не была?

Колдунами, осужденными за ересь и даже горевшими на кострах, – но еретиками не являвшимися?

Рыцарями, жившими как монахи, или монахами, сражавшимися как рыцари? Как появились тамплиеры?

Какой была их повседневная жизнь, вне эпического начала и трагического конца?

Сколько на самом деле правды, а сколько правдоподобных домыслов в “черной легенде”, которая дошла до нашего времени, претерпев множество переосмыслений и перерождений?»

Франко Кардини, Симонетта Черрини

FRANCO CARDINI SIMONETTA CERRINI

STORIA DEI TEMPLARI IN OTTO OGGETTI

ФРАНКО КАРДИНИ
СИМОНЕТТА ЧЕРРИНИ

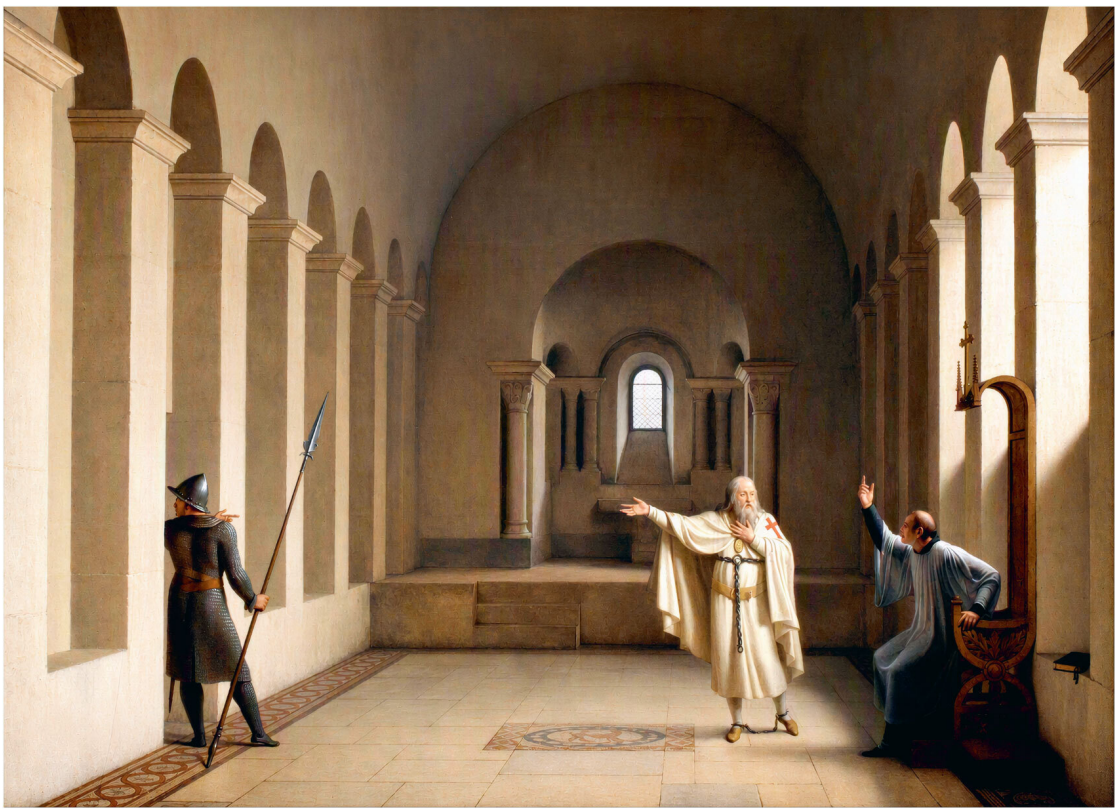
ТАМПЛИЕРЫ

ИСТОРИЯ ОРДЕНА В ВОСЬМИ АРТЕФАКТАХ

КоЛибри
Москва

Франческо Айец. Разрушение Второго Иерусалимского храма римлянами в 70 году. 1867 @ *Wikimedia Commons*

Флёри Франсуа Ришар. Жак де Моле, великий магистр ордена тамплиеров. 1806 @ *Wikimedia Commons*

РУМСКИЙ СУЛТАНАТ
(СЕЛЬДЖУКИ)
Конья
КИЛИКИЙСКАЯ
АРМЕНИЯ
Сис
Тарс
ВИЗАНТИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ
ГРАФСТВО
ЭДЕССКОЕ
Эдесса
Харран
Антиохия
Алеппо
КНЯЖЕСТВО
АНТИОХИЯ
Битва
при
Харране
АССАСИНЫ
Никосия
ГРАФСТВО
ТРИПОЛИ
СЕЛЬДЖУКСКАЯ
ИМПЕРИЯ
Евфрат
о. Кипр
Триполи
Бейрут
Баальбек
Сидон
Тир
ДАМАССКИЙ
ЭМИРАТ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Сен Жак д'Акр
(Акра)
ИЕРУСАЛИМСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО
Назарет
Кесария
Яффа
Газа
Битва
при
Аскалоне
Иерусалим
Хеврон
ФАТИМИДСКИЙ
ХАЛИФАТ
ГОСУДАРСТВА
КРЕСТОНОСЦЕВ
НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
(к 1135 году, периоду
максимального
территориального
расширения)
0 (км) 150
0 (мили) 100

Предисловие

Сейчас уже трудно сказать о тамплиерах что-то новое и не повториться – особенно тем, кто, подобно авторам данной книги, занимается этой темой много лет. Общие рассуждения покажутся многословными и вторичными, а разговор превратится в демонстрацию напыщенной эрудированности, поверхностного любопытства и непоследовательности, попытку самоутвердиться за счет «эксклюзивного» сюжета.

Конечно, существует вполне серьезная причина тому, что в течение долгого времени эта тема вызывала любопытство до такой степени, что порой даже перерастала в настоящую страсть. С тамплиерами мы встречаемся буквально на каждом шагу, при самых неожиданных обстоятельствах, как с достоверными фактами, так и с полнейшим вымыслом. О них вспоминают – всерьез или в шутку, – когда речь заходит о религиозных конфликтах или о символизме и иконологии и, конечно, когда вступают на опасные тропы эзотерики или психоанализа.

Кем были тамплиеры? Таинственной сектой, которая сектой не была? Колдунами, осужденными за ересь и даже горевшими на кострах, – но еретиками не являвшимися? Рыцарями, жившими как монахи, или монахами, сражавшимися как рыцари? Воинами, чьи правила не позволяли просить пощады у старых врагов-мусульман, – и устроившими в своем монастыре-казарме молельню для последователей Корана, как свидетельствует сирийский дворянин XII века Усама ибн Мункыз? Как появились тамплиеры? Какой была их повседневная жизнь, вне эпического начала и трагического конца? Сколько на самом деле правды, а сколько правдоподобных домыслов в «черной легенде» [1], которая дошла до нашего времени, претерпев множество переосмыслений и перерождений?

Отвечать на эти вопросы, в тысячный раз переписывая историю, смысла нет. Рассмотрение какой-нибудь узкой специальной темы только все усложнит, а любопытство не удовлетворит. Если же за жизнью и смертью Храма действительно скрываются великие тайны, почему бы не попытаться их объяснить? А если их не было, может, стоит задаться вопросом, почему такое количество специалистов и обычных людей стремились их обнаружить?

Чтобы ответить на все эти вопросы, мы решили пойти необычным путем: использовали метод, который в исторической науке несколько лет назад отнесли бы к исследованиям «повседневной жизни» или «материальной культуры». Давайте возьмем хранящийся (а может, даже и просто забытый) предмет в каком-нибудь музее и попробуем заставить его рассказать свою историю. Конечно, задача будет не слишком сложной, если мы займемся внушительным церковным порталом, которому повезло – его изъяли из здания в Бургундии, разобрали и вновь собрали по другую сторону Атлантики, и он оказался в самой китчевой, но при этом самой богатой коллекции средневековых экспонатов в мире, нью-йоркском музее Клойстерс. Но этот портал служил входом во владения тамплиеров, и если мы действительно хотим понять, как оно все было на самом деле, то нам следует начать с реконструкции карты расселения Бедных рыцарей Христа между Европой и Востоком. Богато украшенная тиара кажется слишком вычурной, чтобы быть подлинной, и вполне может быть исторической подделкой – но в каком контексте она появилась, каким интересам и иллюзиям служила? Чем больше присмат-

[1] Черная легенда – историографический феномен, предвзятое освещение тех или иных событий, исторических персонажей, даже целых наций с помощью вырванной из контекста и искаженной, упрощенной информации с целью создания отрицательного, бесчеловечного образа и сокрытия положительного вклада в историю. «Черная легенда» о тамплиерах – это комплекс сфабрикованных обвинений, выдвинутых французским королем Филиппом IV Красивым в 1307 году для уничтожения богатого и могущественного ордена. Король хотел избавиться от огромных долгов перед орденом и конфисковать его имущество. *(Здесь и далее постранично – примечания редактора. Все примечания авторов находятся в конце книги в разделе «Примечания».)*

риваешься к «скромным» предметам, тем более конкретные, острые, насущные вопросы возникают. Как и почему использовались ключи: что они защищали и скрывали? Ложка, такой простой предмет для стола и кухни, – какие необычные истории она может рассказать, если удастся заставить ее заговорить?

Гениальный Бертольт Брехт задался вопросом[2], что бы случилось с величием Юлия Цезаря, если бы у того не было повара. Тамплиеров, которые хранили королевские секреты и давали взаймы большие суммы, подозревали в том, что они алхимики, способные превращать неблагородные металлы в золото и серебро. Тамплиеры, которые то ли на самом деле, то ли согласно чьим-то выдумкам поклонялись таинственному идолу по имени Бафомет, получая от него власть и мудрость, – что и сколько раз в день они ели? Не говоря уже об удивительном, полном неожиданностей мире реликвий…

После введения в исторический контекст, сопровождавший возникновение ордена тамплиеров, мы представим читателю восемь артефактов. Каждый из них автономен по-своему и рассказывает о рыцарях, которые его сделали, использовали и сохранили, свою отдельную историю. Рассказ об артефактах построен по принципу хронологии, но несет при этом и определенную историческую символику, поэтому последним пунктом рассказа стала тиара как свидетельство о возрождении мифа о тамплиерах после того, как они закончили свое существование.

Эта книга не раскроет все секреты Храма и его рыцарей. Однако она покажет, насколько на самом деле сложна их история. Мы надеемся, что не только поможем лучше понять тамплиеров, но и продемонстрируем, что серьезная историческая книга не решает проблемы, а скорее выявляет новые, поскольку история никогда не останавливается. Это очень затейливая и таинственная игра, и мы приглашаем вас к ней присоединиться.

[2] Бертольт Брехт в своем незаконченном романе «Дела господина Юлия Цезаря» (написанном в годы гитлеровской диктатуры) демистифицирует Цезаря, изображая его не как великого героя, а как прагматичного, циничного политика и дельца.

Введение
Молитва и сражение

ИЕРУСАЛИМ,

1120 ГОД

Теперь я вам расскажу, почему их называют тамплиерами. Когда они покинули Гроб Господень[3], им негде было остановиться. У короля было три прекрасных дворца в Иерусалиме: один в верхней части Башни Давида, один – в нижней, у подножия Башни Давида, а третий – перед храмом (Templum Domini), где был принесен в жертву Господь. Этот дворец называли Храмом Соломона, он был самым богатым. Они молили короля предоставить им это здание, пока они не построят собственное. Король предоставил им тот дворец, что назывался Храмом Соломона, и они стали называться тамплиерами, поскольку жили в нем. Там же проходил пир, когда король короновался на иерусалимский престол. Затем они построили богатое и красивое здание, так что, если бы король захотел вернуть себе дворец, у них было бы где расположиться. Оно было разрушено сарацинами, когда те захватили город[4].

Согласно хронисту Эрнулю[5], тамплиеры взяли себе это запоминающееся название потому, что обрели свой дом в Храме Соломона. Для тамплиеров Храм был тем же, чем Ситó[6] для цистерцианцев: место, где собралась первая община, и дало наименование ордену. То же касается клюнийцев и валломброзиан, а также каноников-премонстрантов[7], в то время как названия орденов бенедиктинцев, францисканцев и доминиканцев этимологически связаны с именами основателей орденов.

---

[3] Гроб Господень – главная святыня христианского мира, гробница в скале, где, согласно Евангелию, Иисус Христос был погребен Иосифом Аримафейским после его распятия и на третий день воскрес и явился ученикам. Гробница служит главным алтарем храма Воскресения Христова в Иерусалиме. В средневековых источниках Гробом Господним иногда называлась вся Святая земля (Палестина), священное для христиан место.

[4] Хроника Эрнуля и Бернара Казначея (изд. L. de Mas-Latrie, Paris, 1871, стр. 7–9): «Теперь я расскажу вам, почему их называют тамплиерами. Когда они покинули Гроб Господень, им негде было остановиться. У короля было три богатых здания в Иерусалиме: одно – наверху, у Башни Давида, другое – внизу, перед Башней Давида, а третье – перед Храмом, там, где Господь был принесен в жертву. Это здание называлось Храмом Соломона; оно было самым богатым. Они попросили короля предоставить им это здание, пока они не построят собственное. Король отдал им в пользование это здание, именуемое Храмом Соломона (отсюда и пошло их название – тамплиеры), с условием, что они будут там жить. В этом месте король обычно трапезничал, когда носил корону в Иерусалиме. Позднее рядом они возвели прекрасное и богатое здание, которое сарацины разрушили, захватив город; так что, если бы король пожелал вернуть себе свое прежнее жилище, они могли бы оставаться в новом».

[5] Эрнуль известен как автор рассказа о падении Иерусалима в 1187 году в средневековой старофранцузской «Хронике Эрнуля и Бернара Казначея», описывающей события в государствах крестоносцев с 1100 по 1228–1232 годы. Эрнуль письменно упоминается всего один раз, причем в собственной хронике: он служил оруженосцем у легендарного крестоносца Балиана д'Ибелина и сражался вместе с ним против войска Саладина.

[6] Ситó (*фр.* Cîteaux, *лат.* Cistercium) – один из важнейших и богатейших монастырей средневековой Франции; родина ордена цистерцианцев, по которому тот и получил название. Аббатство было основано в Бургундии в 1098 году святым Робертом Молемским.

[7] Цистерцианцы, клюнийцы, валломброзиане – различные ветви римско-католического монашеского ордена бенедиктинцев, названные по имени аббатства, в котором возникло течение. Каноники-премонстранты – католический монашеский орден последователей Блаженного Августина.

Однако Храм Соломона[8] – это далеко не рядовое культовое сооружение. Королевская резиденция, о которой пишет Эрнуль, находилась внутри иродианской крепости возле Яффских ворот, со стороны моря в западной части Иерусалима. До прихода крестоносцев в этом роскошном здании в форме базилики располагалась мечеть Аль-Акса; здание построили в VIII веке по проекту византийских архитекторов для дамасского халифа из династии Омейядов[9]. Крестоносцы считали это место храмом Господним, где Бог, как истинный Исаак[10], принес себя самому себе в жертву, и называли это строение Храмом Соломона (лат. *Templum Salomonis*). В связи с этим король Балдуин II[11] выделил для нового ордена именно это здание, поэтому тамплиеры и взяли себе такое название. Именно там франкские короли Иерусалима устроили пир в день коронации. Рядом с мечетью, преобразованной во дворец, тамплиеры построили собственную необыкновенно красивую резиденцию, более подходившую под их нужды. В ней можно было бы остаться, если бы суверены захотели вернуть себе дворец. Этого не произошло, но оба здания были разрушены, как только мусульмане отвоевали город в 1187 году.

Храм Соломона был особенным местом, и связь тамплиеров с ним имела глубокие корни. Он был пропитан духом религиозного поклонения еще до того, как стать обителью тамплиеров – храм был сердцем иудаизма, целью паломничества, местом божественного проявления Шхины[12] и хранения Ковчега[13] Завета[14]. Божьи люди, бедные рыцари стали его новыми обитателями. «Бедные воины Христа и Храма Соломона» (лат. *Pauperes commilitones Christi Templique Salomonici*) – таково было официальное название тамплиеров, согласно уставу ордена, одобренному отцами Собора в Труа в день памяти святого Иллария[15], 13 января 1129 года – «антиаскетическое», по меркам монахов, и вызывающе «антигероическое» для рыцарей[16].

Однако корни ордена тамплиеров уходят далеко вглубь времен, и, чтобы рассказать его историю, нужно сделать шаг назад приблизительно к 1000 году после Рождества Христова.

---

[8] Первый храм, также Храм Соломона (950–586 до н. э.), – еврейский храм в Иерусалиме, был разрушен войсками Навуходоносора II в 586 году до н. э. Строительство его описано в Священном Писании. Создание центрального храма в Древнем Израиле олицетворяло объединение Израильского царства.

[9] Омейяды (661–750) – первая правящая династия Арабского халифата, превратившая его в обширное трансконтинентальное государство, простиравшееся от Испании до Средней Азии. Они перенесли столицу из Мекки в Дамаск и сделали управление более светским, а после падения династии их ветвь продолжила править на западе в виде Кордовского эмирата.

[10] Исаак – библейский персонаж, чудесным образом родившийся сын Авраама и Сарры (родители были слишком стары для деторождения). Авраам обещал Богу принести Исаака в жертву в доказательство любви и преданности и уже занес над ним нож, когда Бог удержал его руку и подменил Исаака бараном. Исаак стал примером настоящего праведника, чья жизнь наполнена верой в Бога.

[11] Балдуин II де Бур (ум. 1131) – король Иерусалима (с 1118 по 1131), участник Первого крестового похода, активно противостоял мусульманским правителям Сирии; при нем границы Иерусалимского королевства достигли наибольшего расширения.

[12] Шхи́на (*ивр*. присутствие) в талмудическом иудаизме и каббале – присутствие Бога, божественной силы, воспринимаемой непосредственно в физической реальности.

[13] Ковчег Завета – священный деревянный ларец, покрытый золотом и созданный по приказу Бога, переданному через Моисея, для хранения Скрижалей Завета (Десяти Заповедей). Ковчег таинственным образом исчез при разрушении Иерусалимского храма.

[14] F. Cardini, Gerusalemme. Una storia, il Mulino, Bologna 2012, см. стр. 29–66 и далее по тексту.

[15] Собор в Труа (13 января 1129 г.) – церковный собор, созванный Бернаром Клервоским в городе Труа (Франция), который официально признал и одобрил орден тамплиеров. Собор установил устав ордена, утвердил его привилегии и роль в защите Святой земли, что обеспечило храмовникам широкую поддержку в Европе.

[16] S. Cerrini, I templari: una vita da «fratres», ma una Regola antiascetica; una vita da cavalieri, ma una Regola antieroica, тот же автор (под редакцией), I templari, la guerra e la santità, Il Cerchio, Rimini 2000, см. стр. 19–48.

Каково это – быть bellator, то есть воином, в начале второго тысячелетия?

В начале эпохи феодализма христианство на Западе оказалось в ситуации войны всех против всех *(bellum omnium contra omnes)*. Это зачастую приводило к огромным убыткам для духовенства и страданиям «бедных и несчастных» *(pauperes e le miserabiles personae),* которые, согласно обычаям и зарождавшемуся каноническому праву, находились под защитой Церкви. Деградация централизованной власти и процесс ее распада означали, и особенно во Франции, что *pax regis*[17] остался в прошлом. Случалось, что аристократы, которым была доверена защита церковных институций и забота об их интересах, оказывались их первыми врагами и гонителями. С конца X века местные церкви в Центральной Франции принялись самоорганизовываться, нанимать верных людей, задачей которых стало обеспечение и восстановление мира. Первые сигналы появились еще за несколько десятилетий до наступления второго тысячелетия, в 909 году, во время церковного собора в Тросли близ Суассона, проходившего в присутствии архиепископа Реймского и его суффраганов[18]. На соборе обсуждалась в том числе проблема многочисленных социальных бедствий, ставших результатом бесчинств, таких как грабежи, похищение людей, убийства. В итоге, однако, было провозглашено, что *pax regis* считался по-прежнему действующим, а образ короля соответствовал образу суверена, «любимого добродетельными, внушающего ужас злобствующим, возвышающего угнетенных, утешающего бедных, защитника вдов и сирот»[19].

Тем не менее распад королевства был неизбежен и продолжался вопреки всем усилиям. Епископы и аббаты вскоре поняли, что остановить насилие может только авторитет Церкви и страх перед ее санкциями (пускай даже духовного характера). Если бы с самого начала были приняты ограничительные меры – помещены под охрану определенные лица, объекты, места, и нападение на них каралось бы отлучением, – ситуация изменилась бы еще в 989 году. В том году в Шарру, близ Пуатье, как раз собирался синод под председательством архиепископа Бордо – он предал анафеме всех, кто посмел осквернять церковь и церковное имущество, а также поднять руку на священнослужителей (если только те не были вооружены, то есть сами нарушали канон).

Следующий синод в Ле-Пюи уточнил, какие социальные группы нуждались в особой церковной защите, добавив в список торговцев и земледельцев. Также был расширен перечень строго запрещенных действий: разрушение мельниц, выкорчевывание виноградных лоз и т. д. В те времена голод и голодная смерть были частым явлением, поэтому уничтожение урожая считалось косвенным убийством, не менее греховным, чем кровопролитие.

Безусловно, подобные меры не могли полностью искоренить насилие, которое в целом было свойственно феодальному обществу, но, по крайней мере, его пытались сдержать, защищая людей и их имущество. Именно для этого столь торжественно принимались запреты на насильственные действия в определенные дни или периоды года. Для людей той эпохи, привыкших измерять ход времени ритмом полевых работ и богослужений, религиозные праздники представляли собой важные вехи календарного цикла; к ним также приурочивались и экономические мероприятия и обязательства – ярмарки и сроки выполнения контрактов. Напри-

---

[17] Pax regis (*лат.* королевский мир) – правовой термин, означающий обеспечение общественного порядка и безопасность жизни и имущества, которые монарх, как олицетворение государственной власти, должен гарантировать всем лицам, находящимся под защитой закона.

[18] Суффраганы – епископы епархий, входящих в провинцию, которую возглавляет архиепископ. Выполняют функции помощников, по аналогии с викариями в православии.

[19] «Bonis amabilis, malis terribilis, relevator oppressorum, consolator pauperum, viduarum et pupillorum defensor», лат.

мер, в одном из капитуляриев Каролингов[20] были запрещены распри по воскресеньям, а совет, собравшийся в Бове, запретил бои на Пасху. Епархиальный синод, состоявшийся в 1027 году в Тулуже, в графстве Руссильон, запретил военные действия по воскресеньям. Мало-помалу правило «перемирия Божиего» *(tregua Dei)* распространилось на все великие религиозные праздники и периоды подготовки к ним. Постепенно получилось так, что конфликты, устроенные с утра понедельника до вечера среды, анафеме не предавались, что, однако, не сделало их менее греховными[21].

Однако Церковь не могла обеспечить соблюдение этих положений государством, не имевшим для этого мощной силы, но при этом не могла и надеяться, что одного ее духовного авторитета будет достаточно. Епископы и аббаты, тоже крупные феодалы, по большей части предпочитали использовать привычные и доступные средства. Были созданы вооруженные ассоциации, так называемые лиги мира, способные противостоять тем членам феодально-рыцарского сословия, которые упорно сторонились мирного движения или выступали против него. Неслучайно в 1031 году в Лиможе *effractores pacis,* нарушители мира – воины, привыкшие игнорировать мирные постановления, – были преданы анафеме, суровая жестокость и библейский пафос которой могут заставить содрогнуться и сегодня: «Будь прокляты они и те, кто помогает им во зле; прокляты оружие их и кони их; да пребудут они с Каином-братоубийцей и Иудой-предателем, с Дафаном и Авироном[22], которые живыми сошли в ад. И как светильники погаснут на ваших глазах, так погаснет и их радость пред Святыми ангелами»[23].

Несколько лет спустя, в 1054 году, в Нарбонне было торжественно провозглашено, что христианам запрещено убивать других христиан, поскольку это означало пролитие крови Христовой. В то же время лиги мира могли вести войну против отлученных от церкви христиан, но только с того момента, как их кровь становилась кровью отлученных. Это различие породило серьезные последствия: в результате образовалось объективно опасное неравенство между нехристианами и «плохими» христианами, и именно оно вскоре сыграло роль в борьбе между сторонниками и противниками церковной реформы.

Тем не менее не следует полагать, что эффект, произведенный *Pax Dei*[24], был прямо ошеломительным. Сам факт, что одни и те же запреты повторялись десятилетиями из совета в

---

[20] Капитулярии Каролингов – законодательные и административные указы франкских королей VIII–IX веков (преимущественно Карла Великого), написанные на латыни и разделенные на статьи (капитулы). Они регламентировали военную, экономическую, церковную и судебную сферы, укрепляя центральную власть и феодальные отношения.

[21] Наиболее авторитетным сборником текстов о мире, pax, и перемирии, treuga или treuga Dei, остается Старый сборник, составленный L. Huberti, Studien zur Rechtgeschichte der Gottesfrieden und Landesfrieden, Ansbanch 1892. Данная тема подробно рассматривалась в таких работах, как: G. Molinié, L'organisation judiciare, militaire et financiére des associations de la paix, étude sur la paix et la treve de Dieu dans le Midi et le Centre de la France, Toulouse 1912; F. Duval, De la paix de Dieu à la paix de fer, Paris 1923. Понятие pax в связи с изменением роли мирян в Церкви рассмотрено в статье R. Bonnaud-Delamare, Fondements des institutions de paix au xie siècle, в сборнике Aa.Vv., Mélanges d'histoire du moyen âge dediés à la memoire de Louis Halphen, Paris 1951, стр. 19–26. Результаты изучения взаимосвязи между «идеологией» Pax Dei и социальными структурами изложены в книге B. Töpfer, Wolk und Kirche zur Zeit der beginnenden Gottesfriedensbewegung in Frankreich, Berlin 1957. Трансформации pax в общественный порядок везде, где власть была достаточно сильна, чтобы присвоить его, особое внимание уделено в статье A. Grabois, De la trève de Dieu à la paix du roi: étude sur les transformations du mouvement de la paix au XII siècle, в сборнике Aa.Vv., Mélanges offerts à René Crozet, i, Poitiers 1966, стр. 585–596. Наконец, всестороннее исследование этого вопроса представлено в сборнике Aa.Vv., La paix, i, Bruxelles 1961. Об изменениях в сознании, особенно у военных, вызванных движением pax Dei, см. статью G. Duby, Guerre et société dans l'Europe feudale: ordonnancement de la paix, в Aa.Vv., Concetto, storia, miti e immagini del Medioevo, под редакцией V. Branca, Firenze 1973, стр. 449–459.

[22] Дафан и Авирон – персонажи Ветхого Завета, которые подняли восстание против пророка Моисея и его брата Аарона, первосвященника, и были наказаны Богом страшной смертью: «разверзла земля уста свои, и поглотила их» (Чис. 16:31).

[23] «Maledicti ipsi et audiutores eorum in malum: maledicta arma eorum et caballi eorum: erunt cum Cain fratricida, et cum Iuda traditore, et cum Dathan et Abiron, qui vivi introierunt in infernum. Et sicut hae lucernae exstinguuntur in oculis vestris, ita gaudium eorum exstinguetur in cospectu sanctorum angelorum». См. J. D. Mansi, Sacrorum conciliorum amplissima collectio, XIX, кол. 530; см. также PL, CXLIII, кол. 1379.

[24] Pax Dei («Божий мир») – движение в средневековой Европе (X–XII вв.), инициированное католической церковью для защиты мирного населения, духовенства и церковного имущества от насилия феодалов.

совет, заново звучали от присяги к присяге, показывает, что они не слишком соблюдались. Несмотря на провозглашенный мир, XI век был периодом насилия и междоусобных войн среди христиан.

В любом случае несомненно одно: движение *Pax Dei* сыграло важную роль в общественной жизни на уровне идей, а также потому, что его поддерживали реформаторские силы, действовавшие внутри Церкви. Это прежде всего влиятельная бенедиктинская конгрегация[25], возглавлявшаяся аббатством Клюни[26]. Реформаторы, с одной стороны, вели борьбу, доходившую порой и до кровопролития, за расширение прав Церкви, *libertas Ecclesiae,* то есть освобождение духовных учреждений от подчинения светским властям. На права и свободы Церкви правители покушались еще со времен правления Карла Великого и вплоть до Оттона I и Генриха III[27]. С другой стороны, церковная иерархия стремилась освободиться от мирских веяний, привнесенных в нее во время ее занятий политикой – священнослужителям приходилось опираться на светские силы, стремившиеся к духовному обновлению. Примером подобной практики стала «патария»[28], религиозное движение XI века в Ломбардии и Тоскане[29], где к многочисленным священнослужителям присоединились миряне. Как отмечал Жорж Дюби[30], «…миланские восставшие в основном происходили из мирян. Конечно, большинство из них принадлежало к низким слоям городского населения, однако не было недостатка и в *военных,* как правило, низших рангов или представителей семей вассалов. Многие из них были *milites,* возглавляли ополчение в лигах мира и выступали против своих же товарищей из замков, порой даже родственников, нарушителей мира, *effractores pacis*»[31].

Таким образом, сложный процесс церковной реформы XI века многим подобным *воинам, milites,* дал возможность покаяться, пройти процедуру *conversio,* то есть обращения, и начать новую жизнь. Синоды, призывавшие к миру, подарили этим практически профессиональным военным идеал, который узаконивал и освящал их деятельность – они чувствовали

---

[25] Клюнийская конгрегация – влиятельная ветвь бенедиктинского ордена, основанная в 910 году в Бургундии, с аббстством Клюни во главе. Она стала центром масштабной церковной реформы в X–XI веках, направленной на обеспечение независимости от светской власти и строгое соблюдение устава святого Бенедикта.

[26] О взаимосвязи аббатства Клюни и движения рах и о связи этого явления с крестовыми походами замечательно написано в книге P. Lamma, Momenti di storiografia cluniacense, Roma 1961, стр. 139–151.

[27] Оттон I Великий (912–973) – герцог Саксонии в 936–961 годах, король Германии с 936 года, король Италии с 961 года, основатель и первый император Священной Римской империи с 962 года; продолжил политику своего отца по объединению всех германских племен в единое государство и значительно расширил полномочия короля за счет аристократии, подчинил духовенство своему личному контролю. Генрих III (1016–1056) – король Германии с 1039 года, император Священной Римской империи с 1046 года.

[28] Патария – религиозное движение в североитальянских городах XI века; получило название по наименованию одного из кварталов Милана (Pataria – квартал старьевщиков и нищих), который был центром этого движения. Религиозная борьба за Клюнийскую реформу сопровождалась выступлением ремесленников, городской бедноты против духовенства и сеньоров, тесно связанных с ломбардским духовенством.

[29] Представить исчерпывающую библиографию по движению патаренов невозможно, если не строить ее по-настоящему системно. Поэтому ограничимся общим обзором и упоминанием нескольких фундаментальных исследований. Нам представляется, что – с учетом того, как ставится этот вопрос, – нельзя игнорировать работу Дж. Вольпе, несмотря на то что она была написана давно: G. Volpe, Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana, secoli xi-xiv, Firenze 1961, стр. 5–15. Следует обратить внимание и на труд C. Violante, La pataria milanese e la riforma ecclesiastica. i – Le premesse, Roma 1955, и его же статьи, собранные в книге Studi sulla Cristianità medievale, Milano 1972; к ним мы еще вернемся. Эта книга является фундаментальной в отношении патарии и других вопросов: E. Werner, Pauperes Christi. Studien zu sozialreligiösen Bewegungen in Zeitalter des Reformspapsttums, Leipzig 1956. См. также статьи O. Miccoli, Per la storia della Pataria milanese, переиздано в сборнике Chiesa gregoriana, Firenze, 1966, стр. 101–167, и в статье O. Capitani, Storiografia e riforma della Chiesa in Italia, в сборнике Aa.Vv., La storiografia altomedievale, Spoleto 1970, стр. 557–629. Общий обзор взаимодействия патарии с григорианскими реформами можно найти у G. Miccoli, La storia religiosa, в сборнике Aa.Vv., Storia d'Italia, ii, 1, Torino 1974, стр. 480–516. Недавние впечатляющие обобщения см. в G. G. Merlo, Eretici nel Medioevo. Temi e paradossi di storia e di storiografia, Brescia 2011, особенно обратите внимание на стр. 11–109.

[30] Жорж Клод Мишель Дюби (1919–1996) – французский историк-медиевист, один из самых влиятельных историков Средневековья.

[31] См. G. Duby, I laici e la pace di Dio, и его же, Terra e nobiltà nel Medio Evo, SEI, Torino 1971, стр. 149–162.

себя защитниками Церкви и обездоленных, *pauperes*[32] – сирот, вдов и неимущих. Иными словами, если феодалы считались *mali christiani,* то есть плохими христианами, священнослужители-симониане[33] и их сторонники, против которых выступали восставшие, – тоже, то борьба против них вполне могла приравниваться к сражению с язычниками, а погибшие в таких битвах – к мученикам. И если – как это часто случалось – те, кто обратился к делу мира и реформы Церкви, были бывшими нарушителями и бывшими тиранами, *tyranni,* то их жертва и последующая смерть в бою, несомненно, приобретали черты акта покаяния: в точности как тот, что совершали рыцари, отправляясь в *паломничество, peregrinatio poenitintialis,* к Святой земле[34]. Служение доброму делу искупало все злодеяния, совершенные в прошлой жизни.

Новая миссия рыцарей отныне выражалась в форме триады: *tuito – ultio – dilatation,* то есть защита слабых, пресечение злоупотреблений, расширение границ христианства. Но подобные *conversiones* требовали новых примеров для подражания. К этому времени уже сформировался культ «воюющих святых», который укреплялся ввиду вышеперечисленных обстоятельств, однако опора только на него таила в себе риск формирования слишком невнятных ориентиров. Поэтому появились еще и «святые воины», *члены ordo militum, военных орденов, bellatores,* отошедшие в определенный момент жизни от военного дела и посвятившие себя уединению и молитве. Если же они продолжали военную деятельность, то отдавали свой меч исключительно на службу обновленной Церкви, сражаясь с язычниками и *mali christiani*. Оба типа обращения предполагали разрыв с мирской жизнью, но жизненные пути у обращенных рыцарей складывались совершенно по-разному.

После *conversio,* обращения в обновленную веру, *milites,* то есть воины, отрекались от мира оружия и переходили в мир молитв. Они стали образцом поведения, закрепившимся в аскетической монашеской традиции: об этом свидетельствовали две важные для клюнийской реформы[35] книги – «Жизнь Геральда Аврилакского» (Vita Geraldi Auriliacensis comitis) и «Жизнь Бушара» (Vita Burchardi). Те же, кто продолжал во имя Церкви военную деятельность, сформировали основы традиции мученичества, возрожденной в эпоху Оттонов[36], – примером им могли бы послужить эбсдорфские мученики[37]. Можно вспомнить и *miles* Эрлембальдо Котта, вождя миланских патаренов, погибшего в бою против сторонников[38] Генриха IV[39]. Гильдебранд из Сованы, особенно с тех пор как стал папой Григорием VII[40], поддерживал

---

[32] Об отношениях между pax и pauperes, см. статью Y. Labande-Mailfert, Pauvreté et paix dans l'iconographie romane (xie-xiie siècle), в сборнике Etudes d'iconographie romane et d'histoire de l'art, Société d'études médiévales, Poitiers 1982, стр. 137–163.

[33] Симониане – одна из ранних гностических сект I–III веков, основанная, вероятно, религиозным деятелем Симоном Волхвом. Учение основывалось на почитании самого Симона как воплощении высших сил – он был лжемессией, отрицал Бога и призывал, как предполагается, поклоняться себе самому, но достоверных сведений о нем очень мало. Секта существовала до III века.

[34] О таком явлении, как peregrinatio poenitentialis, см. P. Alphandéry, A. Dupront, La Cristianità e l'idea di crociata, Bologna 1974, стр. 19–26; C. Vogel, Le pélerinage pénitentiel, в сборнике Aa.Vv., Pellegrinaggi e culto dei santi in Europa fino alla i Crociata, Todi 1963, стр. 37–94.

[35] Клюнийская реформа 910 года – движение за реформу монашеской жизни в Европе в X–XI веках. Центром движения стало Клюнийское аббатство, участники выступали против падения нравственности монашества и духовенства и против вмешательства светских властей в церковную жизнь. На практике это все выливалось в укрепление самостоятельности Церкви и ослабление воздействия на нее светской власти.

[36] Династия Оттонов (Саксонская династия, Людольфинги) правила в Германии и Священной Римской империи в 919–1024 годах. Она была основана Генрихом I Птицеловом и достигла расцвета при Оттоне I Великом, который в 962 году создал империю.

[37] Мученики Эбсдорфа – саксонские воины и церковные иерархи, погибшие зимой 880 года в битве против язычников-норманнов, при Эбсдорфе в Нижней Саксонии.

[38] Генрих IV (1050–1106) – император Священной Римской империи (с 1084) и король Германии (с 1056), упорно боровшийся с папой Григорием VII, что стало причиной постоянных конфликтов в его правление.

[39] В первой половине X века Одон Клюнийский написал житие графа Геральда Орильякского – первого воина, удостоившегося лика святых, но не оставившего при этом ратного дела. Труду Одона суждено было стать новым и в некотором смысле

второй путь, агиографическую модель, прославлявшую мученичество и гибель. Вручая вои-

революционным образцом агиографии, ведь общепринятая норма требовала, чтобы miles (воин), стремящийся к обретению святости, полностью совершил exire de saeculo – отрешился от мира, став монахом или отшельником. Геральд же, формально оставаясь в миру, столь решительно изменил свой жизненный уклад, что в подлинности его conversio – духовного обращения – не могло быть никаких сомнений (Odonis Abbatis Cluniacensis, De vita sancti Geraldi Auriliacensis comitis, in pl, cxxxiii, кол. 639–710). Примерно через столетие после написания этого текста другой клюнийский монах – Эд из аббатства Сен-Мор-де-Фоссе – составил житие (Vita) Бушара, графа Вандомского. Бушар действительно принял монашеский постриг, хотя и сделал это уже в зрелом возрасте, после перенесенной болезни; таким образом, он заслужил место в сонме святых прежде всего благодаря более раннему и значимому периоду своей жизни, когда он был мирянином и bellator (воином). Житие Бушара (Vita Burchardi) представляет особый интерес для исследователя, поскольку оно повторяет структуру т. н. lectio – текста, призванного служить примером и источником назидания для клюнийских монахов, – но написано было в то самое время, когда аббатство Клюни, напротив, формулировало основы рыцарских идеалов для мирян. Восхваляя Бушара – друга и покровителя обители Сен-Мор-де-Фоссе, – Эд противопоставлял его двум другим фигурам: аббату-мирянину Менару и графу Эду де Блуа, которых автор называл tyrannus (тиранами). В обоих случаях сравнение оказывалось всецело в пользу Бушара. Оба текста, и Vita Geraldi, и Vita Burchardi, были проанализированы в статье P. Rousset, L'ideal chevaleresque dans deux Vitae clunisiennes, в сборнике Aa.Vv., Mélanges É-R. Labande, Poitiers [б. г.], стр. 623–633. Подробный разбор Vita Geraldi см. у V. Fumagalli, Note sulla "Vita Geraldi" di Oddone di Cluny, в журнале «Bullettino dell'Istituto storico italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano», lxxvi, 1964; полемику по этому тексту см. в A. Barbero, L'aristocrazia nella società francese del Medioevo, Analisi delle fonti letterarie (secoli X–XIII), Cappelli, Bologna 1987, стр. 136–139. Другой пример conversio был исследован у K. Schmid, Anselm von Nonantola: olim dux militum, nunc dux monachorum, в "Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken", xlvii, 1967, стр. 1–122. Гвиберт Ножанский приводит интересный пример полного conversion, а именно внезапный уход в монастырь в 1077 году Симона, графа де Валуа – именно стремительный и неожиданный характер принятого решения отличает этот эпизод от других зафиксированных случаев; совсем иной характер имеет история Эверарда, виконта Шартрского, также рассказанная Гвиберто. В этой истории главный герой переходит от глубоких размышлений о человеческих страданиях к conversio – обращению, которое, однако, приводит его не в монастырь, а к жизни в уединенных местах в окружении совсем немногочисленной компании, к ремеслу углежога и – что примечательно – к зарабатыванию на собственную жизнь своим личным трудом (Guiberti De vita sua, 1.9, Ed. G. Bourgin, Paris 1907, стр. 24–25, 28–29). Другие назидательные примеры обращения рыцарей – например, те, что произошли около 1083 года в аббатстве Аффлигем (епархия Камбре), – собраны в работе P. Rousset, Recherches sur l'émotivité à l'époque romaine, in "Cahiers de civilisation médiévale", ii, 1959, стр. 53–67, особенно стр. 62–67). Автор справедливо отмечает (на стр. 64), что за подобными внезапными и трогательными обращениями не следует упускать из виду тот факт, что представители рыцарского сословия весьма часто «обращались» лишь на смертном одре, принимая постриг в самый последний миг; эта практика предвосхитила обычай, утвердившийся в начале XII века – на рыцаря (miles) в последние мгновения его жизни нередко возлагали белый плащ тамплиера. По сути, такой подход ничем не отличался от действий тех, кто в самую последнюю минуту совершал пожертвования, делал завещательные распоряжения или возвращал неправедно нажитое имущество pro remedio animae (ради спасения души).Но, пожалуй, самым известным случаем «святого воина», увековеченным, среди прочего, еще в *chansons de geste,* балладах о подвигах, является обращение святого Вильгельма Геллонского. Наряду с другими, например, историей святого Бертрана Комминжского, эту историю можно считать промежуточным звеном между двумя типами необычных *conversiones,* совершенных *milites,* вставших на правильный путь еще до поступления в монастырь, во время *saecularis militia.* Для *miles,* принявшего монашеский постриг, его предыдущая жизнь, добродетельная или грешная, превращалась в подготовительную фазу праведного пути, строго соответствующую той или иной агиографической типологии в контексте общей для всех ситуации: *miles* мог быть жестоким грешником до *conversio,* но мог, начиная уже с мирской фазы своего существования, с определенного значимого момента, показать себя человеком, находящимся на пути к святости (например, историю святого Вильгельма см. в J. Bédier, Les légendes épiques, I, Paris 19263, частично. стр. 195–223; цикл баллад о св. Вильгельме см. у M. De Riquer, Los cantares de gesta franceses, Madrid 1952, стр. 133–141; о тексте *la Vita sancti Wilhelmi,* написанном между первой и второй четвертями XII века, позднее или почти одновременно с циклом баллад о св. Вильгельме, см. Acta Sanctorum, стр. 789 и далее). Интересной темой для исследования могло бы стать сопоставление образа святого-воина эпохи церковных реформ с агиографическим типом, имеющим более древнее происхождение, т. н. «святым благородного происхождения»: см.: K. Bosl, «Il santo nobile», в сборнике Agiografia altomedioevale, под редакцией S. Boesch Gajano, Bologna, 1976, стр. 161–190).Следует отметить, что в рыцарской литературе постепенно начало играть важную роль (хотя и в совершенно ином контексте) и место свершения *conversio,* будь то этап перехода или окончательное обращение. Это так называемая «пустыня», которая на Западе, по сути, представляет собой лес – место, где бок о бок с торжествующим христианством обитают дикие звери, демоны и приверженцы древних языческих культов, сохранившихся в Средние века вопреки распространенному мнению, причем в гораздо большей степени, чем принято считать. Лес – это обитель «мастеров-чародеев», таких как углежоги и кузнецы, поддерживавших постоянный и непосредственный контакт с таинственными стихиями природы – огнем и железом; это убежище для изгоев, бродяг и преступников, а также для святых отшельников. В лесу рыцарь куртуазных романов обретает *aventure* (рыцарское приключение), и – особенно в сказаниях о короле Артуре – нередко встречается с таинственным Богом, который одновременно и зовет его, и ускользает от него. Словом, образ рыцаря неизменно предстает перед нами – так или иначе, пусть даже лишь на контрасте – в соотнесении с образом монаха или отшельника. И тамплиер, и странствующий рыцарь в зачаточном виде присутствовали в агиографической литературе еще до того, как появились где-либо в ином качестве.Обратимся, однако, к другому типу *conversio*: к обращению того, кто не расставался с мечом, но поставил его на службу священному делу. Примерами могут служить *milites* (рыцари), сражавшиеся с *effractores pacis* (нарушителями мира): см. E. Delaruelle, Paix de Dieu et croisade dans la Chrétienté du XIIe siècle, в сб.: Aa.Vv., Paix de Dieu et guerre sainte en Languedoc au XIII siècle, Toulouse 1969, особенно стр. 62, например, Эрлембальд Котта. Стоит

нам, поступавшим на службу *vexillum Petri,* историческое боевое знамя Папской области, знамя Святого Петра (символ престижный, но подразумевавший феодальную зависимость получателей от тех, кто его даровал), и заменяя воинов Христа *(miles Christi)* из прежних мартирологических списков на воинов Петра *(miles Petri),* ассоциировавшихся не с самим Богом, а с его святым посредником *(sacerdotium),* он демонстрировал высшую оценку их вооруженной преданности и объявлял ее духовно достойной. Отныне статус мученика получал всякий, кто пал за веру, а на самом деле – за свободу Церкви и понтифика, *libertas Ecclesiae*.

Подобную роль норманны играли в планах Роберта Гвискара[41], который помогал папе Григорию VII. Статус мученика был в его глазах значительно выше, чем даже статус, обретаемый после *conversio* в монаха-аскета. Папа Григорий не замедлил пожаловаться на Гуго, аббата Клюни, когда тот способствовал поступлению в монастырь герцога Гуго Бургундского, последовавшего примеру святого Бушара Вандомского[42], чье житие было записано клюнийским хроникером и монахом-схоластом Эдом из Сен-Мор-де-Фоссе. Григорий, обращаясь к аббату, писал так: «Вот они, те, кто якобы боится Бога, беспокоится о вере в него, а сами бегут от битвы Христовой и, заботясь лишь о себе, прячутся в убежище»[43]. А ведь для папы, который сам когда-то принял монашеский постриг, еще недавно уход в монастырь был актом суровой борьбы с грехами, *de bello Christi fugere, un quietem refugere*. Постриг в монашество, еще со времен святого Бенедикта считавшийся мужественным поступком, внезапно превратился в проявление трусости.

Эрлембальд Котта, *miles Christi,* типичный воин Христов в том смысле, который придавал этим словам папа Григорий, последовал путем, противоположным пути Гуго Бургундского:

также отметить, что покаяние с оружием в руках, *pro defendenda iustitia* (ради защиты справедливости) – а многие обратившиеся *milites* и на самом деле были прежде всего кающимися – получило одобрение на Римском синоде 1078 года, хотя у этой практики были не очень положительные прецеденты. Автор статьи G. G. Meersseman, I penitenti nei secoli XI e XII, (в сборнике Aa.Vv., I laici nella “societas christiana” dei secoli XI e XII, Milano 1968, стр. 306–339, особенно см. стр. 326 и 332 и далее) считает это решение основополагающим для обновления духовной жизни мирян, ставя его в один ряд по значимости с разрешением, которое в более поздние эпохи позволяло состоявшим в браке людям вступать в орден, не отказываясь при этом от своих семейных обязанностей. Словом, покаяние предстает как главная основа рыцарской этики, крестовых походов и самих военно-монашеских орденов.Чтобы найти ответы на вопрос о роли святого воина в более широком контексте средневековой агиографической типологии, см. S. Clasen, Das Heiligkeitsideal im Wandel der Zeiten. Ein Literaturbericht über Heiligenleben des Altertums und des Mittelalters, в “Wissenschaft und Weisheit”, XXIII, 1970, стр. 46–64, 132–164.

[40] Григорий VII Гильдебранд (между 1015 и 1020 – 1085), римский папа с 1073 года, борец за независимость Церкви от светской власти. Прославился своим длительным конфликтом с императором Генрихом IV, в ходе которого они постоянно низлагали друг друга. Длительный конфликт привел к страшному разорению Рима норманнами; конфликт папы с Генрихом IV стал самым опасным и долгим из конфликтов Европы XI века, угрожавшим самому существованию католической церкви.

[41] Роберт Отвиль по прозвищу Гвискар (1016–1085) – герцог Апулии (1059–1085) из дома Отвилей; изгнал окончательно византийцев и завершил завоевание нормандцами Южной Италии, помог папе Григорию VII овладеть Римом и сжег город (1084). Прозвище Гвискар переводится со старофранцузского как «Хитрец».

[42] Достопочтенный Бушар из Вандома (ум. 1007) – влиятельный французский феодал X–XI веков, граф Вандома (с 956/967), Корбея и Мелена, а также граф Парижа (987–1005). Был верным союзником Гуго Капета, сыграв ключевую роль в становлении династии Капетингов и укреплении королевской власти. В конце жизни удалился в монастырь Сен-Мор-де-Фоссе.

[43] «[…] ecce qui videntur Deum timere vel curare, de bello Christi fugiunt et, se ipsos tantum curantes, quietem refugiunt»: Gregorii PP. vii Registrum, vi, 17, под редакцией E. Caspar, Berlin 1923, стр. 423. Более подробные выдержки см. в R. Hammler, Gregor vii. Stellung zu Friede und Krieg im Rahmen seiner Gesamtanschauung, Greifswald 1912. Григорианскую концепцию *miles Christi* см. в статье I. S. Robinson, Gregory VII and the soldier of Christ, в “History”, LVIII, 1973, стр. 169–192 и в статье Y. Congar, Modèle monastique et modèle sacerdotal en Occident de Grégoire VII (1073–1075) à Innocent III (1198), в сборнике Aa.Vv., Mélanges E-R. Labande, цит., стр. 153–160, особенно стр. 155. С другой стороны, автор статьи E. Delaruelle, L’idée de croisade dans la littérature clunisienne et l’abbaye de Moissac, в сборнике Aa.Vv., Moissac et l’Occident, Toulouse 1964, стр. 95–116, показал, что аббатство Клюни, внеся решающий вклад в формирование новой концепции *miles Christi,* воина Христова, тем не менее осталось верно принципу духовного превосходства монашества над сословием воинов. Позиция Бернара Клервоского была еще более радикальной: его письмо к племяннику Роберту, в котором он призывает того вернуться в монастырь, всецело проникнуто духом *pugna spiritualis* и представляет собой полную противоположность письму папы Григория к Гуго Клюнийскому – причем как по смыслу, так и по форме. «Surge, miles Christi, surge […] revertere ad proelium unde fugisti» (Письмо 1, в своде CLXXXII, кол. 68). Для Григория уход в монастырь означал *de bello Christi fugere,* бегство от Христовой войны, тогда как для Бернара это скорее было *reverti ad proelium,* возвращением на поле битвы.

вернувшись из паломничества в Иерусалим, он было тоже решил уйти в монастырь, но его отговорил дьякон Ариальдо, убедивший его занять место недавно умершего брата священника Ландольфо Котта, возглавлявшего движение патаренов в Милане[44]. Григорианский идеал *militia Christi,* воинов Христовых, подхваченный впоследствии и папой Урбаном II, нашел своего наиболее яркого теоретика в лице Боницо, бывшего епископа Сутри[45]. На заключительных страницах своей книги *Liber ad amicum,* а также в главе VII книги *De vita christiana* он сформулировал положения воинской этики. Хотя в ее основу легли частью политические и порой даже случайные факты, она уже вполне годилась для обоснования такого движения, как рыцарство. Эту этику вполне можно было распространять как посредством богословских трактатов, так и путем народных баллад, так называемых *chanson de geste* (песнь о великих деяниях)[46]. Однако не совсем правильно было бы приписывать григорианской концепции *miles Christi,* воинов Христовых, исключительно политические мотивы: конечно, в ее основу легли и духовные потребности, и пастырские нужды. Папа полагал, что исполнение рыцарем воинских обязанностей, как в ходе борьбы с язычниками, так и при защите органов правосудия *(pro defendenda iustitia),* можно вполне приравнять к акту покаяния. Так воинская служба Церкви стала для явных грешников законным способом нести покаяние.

Мы рассмотрели, как союзы во имя мира и церковные реформы способствовали расцвету рыцарства в XI веке, обеспечили ему так называемую идеологическую базу. Но, естественно, не они были его причиной. Именно в этом столетии были созданы все самые значимые произведения рыцарской литературы, баллады *(chansons de geste),* поэзия трубадуров. То был век христианской Реконкисты на Пиренейском полуострове, нормандских завоеваний в Южной Италии и Англии, крестовых походов. Словом, это был период нового расцвета Запада, когда генуэзские, пизанские, венецианские корабли добились господства в Средиземноморье, возобновления торговли с Востоком.

То был грандиозный экономический подъем, после которого спад наступил только к середине XIII века, положив начало новому периоду застоя. Подъем экономики характеризовался заметным демографическим приростом на территории Европы, повсеместным превращением болот и лесов в сельскохозяйственные земли. Инновации в области орудий труда и методов обработки почвы способствовали развитию людской мобильности в поисках новых посевных площадей, положили начало массовой торговле земельными участками, росту экономических потребностей, подорвав основы феодального застоя. Денежный оборот начал стремительно расти, а нехватка оборотных средств привела к разрушению крупных состояний, упадку наследия.

В ответ на экономические изменения светский феодальный класс по большей части замкнулся на сохранении родовых привилегий и стремился занимать оборонительную позицию, в частности препятствовать крупным пожертвованиям в церковные учреждения, столь распространенным в предыдущие времена, и избегать дробления земельных владений между

---

[44] См. C. Violante, I laici, цит., стр. 164, 195, где подчеркивается именно рыцарский характер поведения Эрлембальда и, благодаря сопоставлению отрывка из сочинения Ландульфа Старшего с выводами исследования Жоржа Дюби, посвященного молодым людям, недавно посвященным в рыцари, iuvenes (G. Duby, Nella Francia nord-occidentale del XII secolo: i “giovani” nella società aristocratica, in Terra e nobiltà, цит., стр. 135–148), делается вывод об участии iuvenes в вооруженных акциях патаренского движения, причем конкретный эпизод связывается с другими событиями, происходившими на Западе примерно в то же время, аналогичными, хотя и немного иными по своей сути.

[45] Боницо – итальянский епископ XI века, современник и приверженец папы Григория VII. В 1085 году написал *Liber ad amicum de persecutione ecclesiae,* в которой с большими преувеличениями изобразил гонения Церкви со стороны светских властей в период с 312 по 1085 год.

[46] Bonizonis, Liber ad amicum, под редакцией E. Dümmler, M.G.H., Libelli de lite, i, стр. 568–631; Liber de vita christiana, под редакцией E. Perels, Berlin 1930; см. также G. Miccoli, Un nuovo manoscritto del “Liber de vita christiana” di Bonizone da Sutri, в журнале “Studi medievali”, III, том VII, 1966, стр. 371–398. О Бониццо, епископе Сутри см. L. Gatto, Bonizone da Sutri e il suo “Liber ad amicum”, Ricerche sull’età gregoriana, Pescara 1968; G. Miccoli, Bonizone, Dizionario biografico degli italiani, XIIi, кол. 773–799; W. Berschin, Bonizo von Sutri. Leben und Werk, Berlin-New York 1972.

наследниками. Одним из последствий стал рост числа наемных воинов: младшие сыновья в дворянских родах или обремененные финансовыми проблемами рыцари выбирали уже проторенный путь по приютам, рынкам, богатым реликвиями местам паломничества. Они отправлялись в погоню за удачей, новыми землями, духовными свершениями; за тем, что рыцарская литература некоторое время спустя, переведя прозаическую реальность в художественные термины, начала называть «приключениями», «авантюрами» *(aventures)*[47]. Можно было поступить в услужение к какому-нибудь господину, поучаствовать в частных войнах и турнирах, иногда даже неожиданно выгодно жениться. А также можно было посвятить себя служению *Pax Dei, libertas Ecclesiae* или распространению христианства *(dilatio Christianitatis)* на испанской земле. Воинов нанимали на службу к императору Византии, всегда готовому пристроить у себя франков родом с христианского Запада. Зачастую *aventure* превращалось в *peregrination paenitentialis,* то есть покаянное паломничество в Рим, Сантьяго-де-Компостела, на остров Мон-Сен-Мишель, Сан-Микеле-дель-Гаргано или даже в самый центр мира *(umbilicus mundi)* – Иерусалим. Словом, приключение могло послужить и средством исцеления души *(pro remedio animae),* ведь Бог определенно знал, что рыцари того столетия действительно в нем нуждались! Скорее всего, существовала и определенная связь между снижением благочестивых пожертвований имущества по завещанию и ростом количества личных обязательств, взятых на себя ради искупления грехов – от паломничества до участия в войне против испанских мавров или в крестовых походах. Рыцари искупали кровью душевное благополучие, которое не могли обеспечить своими щедрыми подношениями. Возможно, подобные закономерности служат ключом к пониманию взаимной зависимости двух воспетых литературой великих рыцарских добродетелей, доблести и щедрости, *prouesse e largesse*.

Выход военной силы за границы христианского мира совпал с процессами замирения внутри его границ. Эта сила использовалась и для борьбы с «плохими христианами», но существовали ведь и варвары, язычники, роль которых в те времена отводилась в основном мусульманам. Они оккупировали земли древних и прославленных христианских цивилизаций: Испании, Сицилии, Святой земли, Египта, Северной Африки. Многие иные земли они терзали периодическими набегами: Сардинию, Корсику, Тирренское побережье, Южную Италию, Византию. Рыцарская элита, которой мирные соборы запретили проливать христианскую кровь, взамен получила разрешение проливать кровь неверных на свое усмотрение.

[47] Понятие aventure лучше всего разбирается в книге E. Köhler, L'avventura cavalleresca. Ideale e realtà nei poemi della Tavola Rotonda, il Mulino, Bologna 1985.

Как стать воином христовым, или Miles Christi

Известно, что ислам казался жителям Западной Европы тех времен серьезной угрозой. В 842 году войска Арабского халифата[48] перешли реку Рону и дошли до Арля, в 846 году участвовали в разграблении Рима, в 902 году завершили завоевание Сицилии, в 906 году разрушили монастырь Новалеза под Турином, около 940 года совершили смелое вторжение в аббатство Святого Галла, в 972 году пленили и заключили в тюрьму святого Майоля, аббата Клюни, а в 981 году нанесли сокрушительный удар по войскам императора Оттона II при Стило в Калабрии. За этими ударами последовали еще более дерзкие и грозные события: в период с 847 по 871 год мусульманский эмират с центром в Бари[49] терроризировал Нижнюю Адриатику и Южную Италию[50]. Летом 997 года «диктатор» арабо-испанского Кордовского халифата ибн Амир аль-Мансур («Альмансор» в испанской рыцарской поэзии) разорил святилище Сантьяго-де-Компостела. В то же время к захоронению апостола Иакова он отнесся с коранического благочестием, воздав все подобающие почести, хотя источники того времени предпочли об этом умолчать.

В 1009 году аль-Хаким, фатимидский имам Египта[51], приказал разрушить базилику Гроба Господня в Иерусалиме. Примерно в те же годы, когда был разрушен Святой город, земли от Каталонии до северного берега Тирренского моря терзал разрушительными набегами денийский эмир аль-Муджахид[52], прославившийся как первый серьезный противник Пизы и Генуи на море. Ко второй половине XI века вся Малая Азия вплоть до Константинополя, казалось, уже была на грани поглощения наступавшими турками-сельджуками. Естественно, все эти атаки и завоевания не были результатом какого-либо единого плана и не управлялись одной-единственной движущей силой. Наоборот, большинство нападений на христиан совершали отдельные «короли-корсары», которые точно так же воевали и со своими единоверцами, по самым разным, в том числе и случайным, причинам. Однако, если само зло и не было серьезным, его симптомы казались современникам очень тревожными – христианский мир жил с постоянным ощущением угрозы со стороны «неверных».

Именно знаменитое аббатство Клюни, инициатор церковной реформы, способствовало христианскому восстанию против мусульманских завоеваний, очень вовремя создав новый идеал для европейского рыцарства, находившегося в поисках цели для применения своих сил. Начало длинной серии атак, предпринятых христианским рыцарством под эгидой Клюни, положил случай во Фраксинете. В 972 году сарацины похитили аббата Майоля Клюнийского, к которому прислушивались многие лидеры христианского мира. Пленника держали в пират-

---

[48] Арабский халифат – теократическое исламское государство, возникшее в результате арабских завоеваний в VII–IX веках и возглавлявшееся халифами. Халиф объединял в своих руках одновременно политическую и духовную власть. Эпоха Арабского халифата носит название «Золотой век ислама» или «Мусульманский ренессанс» – в этот период развивались такие науки, как физика, астрономия, математика, биология, медицина, химия; труды восточных ученых оказали влияние и на развитие Европы.

[49] Барийский эмират (847–871) – небольшое мусульманское государство в Южной Италии, образовавшееся после захвата города Бари арабскими завоевателями. Он являлся центром исламского влияния на континентальной части Италии.

[50] См. G. Musca, L'emirato di Bari (847–871), Dedalo, Bari 1964.

[51] Аль-Хаким Биамриллах (985–1021) – шестой фатимидский халиф и 16-й исмаилитский имам, правивший Египтом с 996 года. Известен эксцентричным правлением, жесткими мерами против христиан и иудеев – к власти он пришел еще ребенком, поначалу был веротерпимым правителем, но постепенно терял адекватность: запрещал женщинам выходить из дома, запрещал по непонятным причинам разные виды еды и питья. Пропал без вести после ночной прогулки.

[52] Абу аль-Джайш Муджахид аль-Амири (аль-Муваффак) – 1-й эмир Денийской тайфы (1014–1044), области в Испании. Он был родом из семьи славянских рабов, и мать его была христианкой. В 1015–1016 годах предпринял масштабное, но завершившееся катастрофой вторжение на Сардинию, после чего сосредоточился на укреплении власти в Испании. После поражения на поле боя занялся наукой и искусствами и превратил Дению в центр науки, культуры и судостроения. Автор легендарной книги о поэзии, ныне утраченной.

ском убежище Фраксинет неподалеку от современного Сен-Тропе и освободили после уплаты большого выкупа. За это преступление отомстил Гильом, граф Прованса, преподавший жестокий урок сарацинам; его поддержали сеньоры из долины реки Роны, стремившиеся очистить территорию Фраксинета от пиратов и поделить между собой захваченные богатства.

Этот эпизод положил начало целой серии рыцарских подвигов под эгидой аббатства Клюни: борьба с неверными и стремление к личному духовному искуплению (недаром эта воинская служба была приравнена к покаянию) вполне сочетались с желанием завоевать новые земли и чужие богатства. Аристократия, столкнувшаяся с последствиями экономического кризиса, вызванного сельскохозяйственной и торговой экспансией, искала новые пути обогащения, которые создали бы базу для сохранения и даже повышения статуса.

Испанская Реконкиста[53], поддержанная аббатством Клюни и папами-реформаторами, такими, к примеру, как Александр II, бывший предводитель миланских патаренов[54], задействовала самых разных рыцарей – арагонских и кастильских, провансальских и бургундских[55]. Атмосферу религиозного и милитаристского энтузиазма помогали поддерживать легенды о Карле Великом, славной битве при Пуатье в 732–733 годах, испанских сражениях 778 года. Так была создана «Песнь о Роланде»: она была вдохновлена традициями паломничества к месту захоронения святого Иакова в Сантьяго[56] и давала силу для Реконкисты. Роланд[57], герой христианской литературы, ставший постепенно героем эпоса, воплощал идеал *miles Christi,* воина Христова, сформировавшийся в результате мирных соборов и григорианской реформы. Герой представал в образе рыцаря, пусть когда-то жестокого и тщеславного, чья небезупречная жизнь была искуплена служением Богу и святой смертью за Него[58]. В отличие от рыцарей, прини-

---

[53] Реконкиста (VIII–XV вв.) – Иберийские крестовые походы, длительный процесс отвоевания христианами, испанцами и португальцами земель Пиренейского полуострова, занятых мусульманами в 711 году. Процесс занял почти 800 лет, завершившись в 1492 году взятием Гранады королевской четой, Фердинандом II Арагонским и Изабеллой I Кастильской.

[54] Булла Eos qui in Hispaniam 1063 года, изданная папой Александром II, стала прообразом последующих Bullae Crusatae, (см. E. Bernardet, Croisade, bulle de la, в словаре Dictionnaire de droit canonique, IV, кол. 773–799).

[55] Наряду с новой волной религиозно-воинского энтузиазма тем не менее сохранялась и прежняя практика наемнической службы на благо любого государства, в соответствии с древним законом пограничных войн. О христианских наемных рыцарях мусульманских правителей Испании см. J. Le Goff, La civiltà dell'Occidente medievale, Firenze 1969, стр. 93. И все же нельзя отрицать тот важный факт, что деятельность аббатства Клюни и пропаганда реформаторов сформировали новую атмосферу в среде европейского светского воинства. Микколи определяет это явление как «религиозную жизнь с оружием в руках» и связывает изменения с григорианскими идеалами militia Christi (воинства Христова), о которых мы упоминали выше: «Так рождается новый тип "святого" – святой из мирян. Воин, miles, павший смертью храбрых, становится новым мучеником Христовым, отдавшим жизнь за веру. Очищение церковных нравов и воплощение христианских начал в жизни предстают, таким образом, реализацией собственной концепции христианства, и принимают форму, с точки зрения мирян, насильственного изгнания из христианского общества, вооруженного удаления от его границ носителей заблуждений, «еретиков», неверных, иудеев» (G. Miccoli, La storia religiosa, цит., стр. 508). Этой же точки зрения придерживался и Данте, когда в сфере Марса увидел в светоносном кресте сияющие души мучеников Господних («Рай», XVIII, ст. 37–48). Хотя войны с «язычниками» вполне обоснованно можно рассматривать как что-то вроде противоядия от распрей между христианами, не следует упускать из виду и глубокую связь между войнами против неверных и войнами против «плохих» христиан. И дух крестового похода – что впоследствии подтвердило каноническое оформление понятия crux cismarina, основанного на принципе смены обета, – и рыцарская этика укоренены именно в этой связи, и их невозможно понять без постоянной оглядки именно на нее.

[56] Путь святого Иакова (Камино-де-Сантьяго) – древняя сеть паломнических маршрутов, ведущая к могиле апостола Иакова в соборе испанского города Сантьяго-де-Компостела.

[57] Роланд – самый известный герой французских эпических сказаний цикла о Карле Великом, маркграф Бретонской марки. Некоторые исследователи предполагают, что у Роланда был прототип, некий Хруодланд, префект Бретонской марки, погибший в Ронсевальской битве в Пиренеях в 778 году. Песнь была сочинена несколько веков спустя, когда не существовало никакой традиции героической поэзии, поэтому много раз переделывалась, обретая все большую популярность.

[58] Исследования, проводившиеся в рамках узкого научного направления, изучения взаимосвязи между литургией и агиографией, с одной стороны, и chansons de geste (балладами о деяниях) с другой, подтвердили зависимость эпических форм от форм агиографическо-литургических. Тем самым они разрешили – как с исторической, так и с филологической точек зрения – давний спор между сторонниками и противниками теории Жозефа Бедье относительно происхождения эпической поэзии. Особо следует отметить труды J. Challaey, Etudes musicales sur la chanson de geste et ses origines, в "Revue de musicologie", xxx, 1948, стр. 1–27; C. Segre, Problemi di tradizione di testi romanzi: dai poemetti agiografici alle chansons de geste, в сборнике Aa.Vv., Concetto, storia, miti e immagini del Medioevo, цит., стр. 339–351. Формально агиографическая поэма Chanson de Sainte-Foy представляет собой, пожалуй, наиболее интересное связующее звено между житийной литературой и рыцарским эпосом (E.

мавших монашеский постриг перед смертью, Роланд совершил *conversio,* то есть обращение в праведную христианскую веру, только в последние минуты жизни, в битве в Ронсевальском ущелье. Не праведная жизнь, а жертвенная смерть оправдала его перед Богом. Военный поход против мусульман превратился в результате в *iter poenitentiale,* покаянное деяние, не менее важное, чем паломничество, совершаемое кающимися грешниками. Поэтому смерть в битве с врагами Христа была приравнена к мученичеству.

Для множества рыцарей скромного происхождения, не обладавших каким-либо состоянием, нашлось место и в Испании, где боролись христианские и исламские державы, и в Южной Италии, которой угрожали мусульмане Сицилии, раздираемой спорами между византийцами, ломбардскими княжествами и приморскими городами, стремившимися к автономии[59]. Далеко не все эти воины были потомками норманнов из Нормандии. Отвили (Альтавиллы) действи-

---

Hoeppfner, P. Alfaric (под редакцией), La Chanson de Sainte-Foy, том. 2, Les Belles Lettres, Paris 1926). Эта баллада – вероятно, сочиненная монахом – преследует двоякую цель: прославить святую Фиду, покровительницу знаменитой обители в Конке, расположенной на южном паломническом пути через Францию к Сантьяго, и призвать христиан к «священной войне» против язычников. Исследователи полагают, что поэма была написана в период между 1054 и 1073 годами, в трудное для христианского мира Пиренеев время, когда король Наварры Санчо IV, движимый давней враждой с кастильцами и арагонцами, заключил военный союз с эмиром Сарагосы.Аббатство в Конке прежде играло важную роль в сплочении сил для борьбы с сарацинами; христиане из Пиренеев неоднократно обращались к нему, моля о помощи в противостоянии маврам. И хотя источниками для баллады послужили тексты *Passio sanctae Fidis,* из Acta Sanctorum, том VIII (октябрь) стр. 826–828, сочинение Лактанция *De mortibus persecutorum,* труд Бернара Анжерского о чудесах святой Фиды, написанный во втором десятилетии XI века, и посвященная ей литургическая служба, повествовательный стиль произведения носит отчетливо рыцарский характер. Мученичество святой Фиды ставится в один ряд с подвигами христианских героев, подобно тому как сама она сопоставляется с библейскими героями. Фида, дочь рыцаря, предстает как блистательный представитель *caelestis militia* (небесного воинства), достойный того, чтобы стоять в одном ряду с Иисусом Навином, Самсоном, Иудой Маккавеем и святым Маврикием. Иными словами, связь между балладами и *vitae sanctorum,* житиями святых, заключается не столько в том – пусть и весьма существенном – обстоятельстве, что первые, так же как и вторые, исполнялись во время литургических чтений на утрене, сколько в том, что герои, сражавшиеся за христианский мир, предстают в них как святые; естественно, что их истории почти самопроизвольно выстраивались по канонам житийного повествования, а обстоятельства их гибели в бою приобретали черты *passio* (мученичества).Таким образом, тема святости воина, обсуждавшаяся во время клюнийских реформ, постепенно вытеснялась пропагандой в пользу «святости героя», отчасти имевшей те же истоки и сближавшей некоторые агиографические и эпические тексты. По поводу первых можно привести в пример ставший каноническим текст Conversio Othgerii militis, в L. D'Achery – J. Mabillon (под редакцией), Acta sanctorum Ordinis sancti Benedicti, том пятый (IV век, часть I), Venetiis 1735, стр. 622–627. Составитель датировал его X–XI веками, однако Рита Лежен считает, что он относится ко второй половине XI века. Отгериус, историческая фигура времен Карла Великого, стал прототипом известного эпического персонажа – «бунтаря» Оггера или Уггера из Дании, рыцаря Ожье Датчанина. Наряду со святым Вильгельмом, упомянутым выше, Отгериус, таким образом, пользовался двойной славой – культурной и эпической, или, скорее, славой, в которой эти два аспекта слились воедино. С точки зрения культуры Отгериус оказался даже интереснее Вильгельма; в его честь был поставлен памятник в аббатстве Сен-Фарон близ Мео, в предпоследнем десятилетии XII века (к сожалению, памятник был разрушен во время революции). На этом памятнике, рисунок которого с натуры приведен в *Conversio,* стр. 624–625, была надпись: «Средневековье выразило свою сокровенную мечту, прославив то, чем больше всего восхищались в мире: мужество героя, соединенное с самоотречением монаха». Другим важным центром полуагиографического культа Отгерия стало аббатство Тегернзее в Баварии, где монах Метелл в шестом десятилетии XII века в труде под названием *Quirinalia* отождествил героя непосредственно с основателем аббатства: см. Translatio reliquiarum sancti Arsacii episcopi in monasterium Ilminense et sancti Quirini Martyris in Tegersenze in Bojaoria, в Acta sanctorum Ordinis sancti Benedicti, том третий (III век, часть первая), 1734, стр. 615–622.О местах поклонения, посвященных «Святому Ожье», известно в Валлонии, в Нидерландах, в Вогезах, в Лотарингии и в Швейцарии. Поразительный список, составленный Эдмоном Фаралем и включающий более пятидесяти храмов, в которых хранились или хранятся усыпальницы или мощи героев баллад, показывает, что наряду с гробницей Оливье Белин близ Бордо претендует на то, что в нем находилась гробница Оггера, и конкурирует в этом с аббатством Сен-Фарон. Однако по этим и многим другим вопросам мы рекомендуем обратиться также к обширным исследованиям R. Lejeune, Recherches sur le thème: les chansons de geste et l'histoire, Liège 1948, см. стр. 105 и далее.Однако главным героем этого процесса квазиканонизации стал рыцарь Роланд: его следы можно встретить повсюду, начиная от его гробницы – предмета гордости церкви Сен-Ромен в Блае – до скульптур Роланда и Оливье на портале Веронского собора, размещенных там, где обычно полагалось бы быть статуям святых покровителей; от Роланда с нимбом на витраже «Карл Великий» в Шартрском соборе до Роланда, стоящего в полном вооружении на страже южного портала того же собора (если это действительно он, поскольку высказывались и иные предположения о том, кто именно там изображен, см. R. Lejeune, J. Stiennon, La legende de Roland dans l'art du Moyen Âge, 2 том, Bruxelles 1966). Именно в своем *passio,* то есть в мученической смерти, принятой им от рук неверных в сражении при Ронсевале, Роланд предстает как «святой» в соответствии с господствовавшими тогда представлениями (имел ли его культ светский характер – ведь его поддерживали и авторитетные церковные институты?).

[59] См L.-R. Ménager, Pesanteur et etiologie de la colonisation normande de l'Italie, в сборнике Aa.Vv., Roberto il Guiscardo e il suo tempo, Roma 1975, стр. 189–214, 259–390.

тельно происходили из скромного рода с полуострова Котантен в Нормандии, но многие были выходцами из Мена, Анжу, Бретани и Фландрии.

Конечно, в рыцари шли не только младшие отпрыски феодальных родов и члены небольших вассальных домов: любой, кто изучает рыцарство XI века и пытается определить его социальные характеристики, должен избегать схематизации. Однако несомненно, что многие из этих воинов-*milites,* независимо от их социального статуса и цели, ради которой они отправлялись за приключениями, были скорее *изгоями,* обладавшими лишь оружием, несколькими лошадьми и крошечной свитой из пары слуг[60].

Вероятно, далеко не все эти искатели приключений были посвященными, то есть членами духовного воинского братства, которого тогда еще не существовало как институции. По сути, многие из них были просто «кавалеристами» *(cavaliers),* но не «рыцарями» *(chevaliers).* Процедура посвящения в рыцари в XI веке еще не была институализирована, она не носила особого литургического статуса, это был обычный ритуал вступления нового члена в группу, социальный (возможно, даже магический) обряд, не обладавший какой-либо юридической силой. Но факт остается фактом: в те времена бродяжничество приобрело массовый характер, на дорогах было полно путешественников всех мастей, от проповедников *(Wanderprediger)* и паломников самых разных устремлений до крестьян в поисках пахотных земель. Странствующий рыцарь был явлением вполне обыденным.

В 1061 году, когда Роберт Гвискар, незадолго до этого ставший герцогом Апулии и Калабрии как вассал Святого престола, завершал под знаменем святого Петра, *vexillum Petri,* установление контроля над новыми владениями, его брат Рожер начал завоевание сарацинской Сицилии. Это была еще одна Реконкиста, происходившая одновременно с иберийской, поэтому недостатка в чудесах не наблюдалось. Святые, являя собой небесный образец для мирского рыцарства, регулярно спускались во всеоружии с небес, словно гомеровские боги, чтобы поддержать христианские войска в бою. Эти события способствовали активной героизации христианской веры, и это отразилось в искусстве того времени, от литературы до скульптуры[61].

Через пять лет после начала Сицилийской войны, в 1066 году, герцог Вильгельм Нормандский высадился в Англии. Он заручился поддержкой самого папы, ведь правовые основания для завоевательной операции не были достаточно вескими даже с формальной точки зрения. Вместе с герцогом высадились и воины, жаждавшие войны и земель. Тот факт, что их звание было переведено на английский словом *knight* (этимологические корни этого слова восходят к древнегерманскому *Knecht,* кнехт – крепостной, батрак, наемный пехотинец или слуга), показывает, насколько скромным было их положение. Но зачастую эти авантюры – *aventure* – приводили к удивительным переменам в судьбах. Византийская империя всегда нуждалась в наемниках, а западные воины в длинных кольчугах, с большими тяжелыми мечами славились своей доблестью. Многие франки добрались таким образом до берегов Босфора и пустынь Малой Азии, где сражались на службе у *basileis,* василевсов – византийских императоров. А некоторые даже вошли в историю: военачальник Эрве, захваченный турками в 1057 году[62] на озере Ван[63], или блистательный авантюрист Руссель де Байоль[64], похожий на персонажа из героического эпоса, столь же хитрый и коварный, сколь смелый и обаятельный.

---

[60] Средневековый рыцарь, как правило, никогда не путешествовал в одиночку, хотя его «свита» могла состоять всего из одного-трех человек.

[61] О явлении святых в битве: многочисленные примеры из хроник и эпической поэзии см. в C. Erdmann, Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens, Darmstadt, 1965, особ. стр. 30 и далее, стр. 46–48, 81 и далее; в целом по подобным вопросам см. A. J. Dickmann, Le rôle du surnaturel dans les Chansons de Geste, Paris 1926, стр. 114 и далее.

[62] Эрве Франкопулос – норманнский наемный военачальник (*Phrangopoulos* в переводе с греческого – сын франка), сражался за Византийскую империю под командованием различных императоров; на озеро Ван попал, предположительно, собираясь создать для себя собственное государство, и вступил в войну с армянами и турками-сельджуками. Был пленен, отправлен в цепях в Константинополь, где впоследствии был казнен.

[63] См. M. Bloch, La società feudale, Torino 19655, стр. 336. См S. Runciman, Storia delle crociate, I, Torino 1966, стр. 55–59.

Историческому явлению, которое мы теперь называем Первым крестовым походом, начало было положено в ноябре 1095 года в Клермоне, на соборе Римско-католической церкви, проходившем под председательством папы Урбана II. Этот поход следует рассматривать в контексте предыдущих военных экспедиций в Испанию, Сицилию, Англию, Малую Азию, принимая во внимание интересы участвовавших в них крупных феодальных семейств. Конечно, это было весьма сложно организованное движение. Что касается рыцарства, проповедь Урбана II, адресованная собравшимся в Клермоне *bellatores,* помогает определить их цели[65]: папа призвал воинов отказаться от братоубийственных войн и посвятить себя помощи братьям во Христе на Востоке, борьбе с мусульманской угрозой, суля духовные и материальные блага, намекая на сказочные богатства восточных земель. Клермонская проповедь дошла до нас в пяти версиях, которые не слишком отличаются друг от друга[66]. По словам самого, пожалуй, проницательного летописца тех событий Фульхерия Шартрского[67], Урбан II во время собора выразил сожаление по поводу смятения и беспорядков, царивших в стране, и подтвердил важность положений о *Pax Dei* и *tregua Dei*. Наконец, рассказав о притеснениях, которым якобы подвергались христиане Востока со стороны неверных, понтифик призвал *milites* к сопротивлению в выражениях, имевших, несомненно, покаянный характер.

> Пусть те, кто еще вчера был разбойником, станут воинами Христовыми! Пусть те, кто сражался против своих братьев и кровной родни, сражаются за правое дело против варваров! Пусть те, кто нанимался за гроши, получат награду в вечности! Пусть те, кто устал, изранен телом и душой, пусть раз и навсегда получат телесное и духовное исцеление! Ибо те, кто печален и беден здесь, будет счастлив и богат там. Те, кто здесь – враги Господа, там станут Его друзьями[68].

В свидетельстве Бальдерика, епископа Дольского[69], записанном тринадцать лет спустя после проповеди папы, контраст между *militia Christi,* то есть «ополчением Христовым», и *militia saeculi,* «эпохальным ополчением», еще заметнее, и осуждение братоубийственных войн звучит еще более жестко.

> Вы, подпоясанные поясом рыцарства, гордо хмурите лбы; рвете братьев на части и убиваете друг друга. Но те, кто разрывает на части паству Искупителя, не есть рыцарство Христово. Святая Церковь сохранила рыцарство, чтобы помогать своим братьям, но вы извратили его и направили

---

[64] Руссель де Байоль – наемный военачальник на службе византийского императора Романа IV; носил такое же прозвище *Phrangopoulos,* «сын франка», и *Ursellus,* «медведь». Тоже совершил попытку создать собственное государство, но попал в плен к туркам, несколько раз сменил нанимателя, был выдан в Константинополь и казнен.

[65] Фундаментальный обзор см. в P.E. Chevedden, Canon 2 of the Council of Clermont (1095) and the Crusade Indulgence, "Annuarium historiae conciliorum", 37, 2, 2007, стр. 253–322.

[66] Вот эти хронисты: анонимный автор «Деяний франков» (Gesta Francorum), Фульхерий Шартрский, Гвиберт Ножанский, Бальдрих Дольский и Роберт Реймсский, см. G. Fasoli, Aspetti e momenti di storia delle crociate, Bologna 1957, стр. 29–40; S. Runciman, Storia delle crociate, цит., стр. 94–95; J. Prawer, Histoire du royaume latin de Jérusalem, французский перевод, I, Paris 1969, стр. 167–170.

[67] Фульхерий Шартрский (около 1058 или 1059 – около 1127) – французский священник, хронист Первого крестового похода, автор сочинения «Иерусалимская история», одного из наиболее ценных и достоверных трудов, описывающих события Первого крестового похода и раннюю историю Иерусалимского королевства.

[68] «Nunc fiant Christi milites, qui dudum extiterunt raptores; nunc iure contra barbaros pugnent, qui olim adversus fratres et consanguineos dimicabant; nunc aeterna praemia nanciscantur, qui dudum pro solidis paucis mercenari fuerunt. Pro honore duplici laborent, qui ad detrimentum corporis et animae se fatigabant: qui immo hic tristes, hic pauperes, illic laeti et locupleti; hic inimici Domini, illic autem amici Eius erunt»: Fulcherii Carnotensis Gesta Francorum Jherusalem peregrinantium, I, 3, в сборнике Recueil des historiens des croisades.Historiens occidentaux, iii, стр. 324, перевод F. de Chartres, Historia Hierosolymitana, под редакциейi F. Cardini, Sansoni, Firenze 1972, стр. 73–74.

[69] Бальдерик Бургулийский (Бальдерик Дольский; ок. 1045–1130) – французский бенедиктинский монах, епископ Дольский (с 1107), видный латинский поэт, агиограф и летописец.

> во зло. Вы, угнетающие детей, вы, нападающие на вдов, вы – убийцы, вы – святотатцы и похитители чужого. Вы взыскуете воровскую плату за пролитие христианской крови. Как стервятники чуют трупы, так и вы желаете и ищете войн в далеких землях. Сей путь, несомненно, есть зло, поскольку далек от Бога. И посему, если хотите позаботиться о своих душах, либо немедленно снимите рыцарский пояс, либо идите вперед с храбростью рыцарей Христовых, и поспешите защитить Церковь на Востоке…[70]

В конце XI века выходец из Клюни Одо де Лажери, или папа Урбан II, последователь григорианских реформ на папском престоле, положил в основу своего воззвания к *milites* представления реформаторского духовенства об идеальной роли воинов-мирян. Служение Богу в рядах *militia Christi,* воинства Христова, превратившись в главную цель *conversio,* приравнивалось к искуплению грехов, а мирские наемники объявлялись обычными хищниками, *raptores*. Присоединяясь к воинству Христову, из убийц, из братоубийц они становились борцами с варварством и язычеством. Они больше не были наемниками, за пригоршню монет готовыми к духовной и телесной гибели, а слугами Бога, достойными бессмертия и исцеления души и плоти[71]. Эта проповедь, произнесенная перед французскими рыцарями в XI веке, отражает общую направленность, подтверждаемую и другими источниками.

Однако григорианские идеалы *militia Christi* мирного сосуществования христиан разделяли далеко не все воины. Разбойники, хищники, тираны и их приспешники все еще были в большинстве. Однако работа, проделанная мирными соборами, семена, посеянные аббатством Клюни и григорианскими реформаторами, постепенно изменили ситуацию. Чтобы иметь право называться рыцарем, уже недостаточно было иметь оружие, коня и хоть какую-нибудь свиту, пройти через инициацию и украсить свой наряд особыми аксессуарами, вроде золотого пояса и шпор. Те, кто, обладая всем этим, отказался защищать Церковь и ее институции, не спасал сирот, беззащитных, слабых, паломников, нищих или даже, а такое случалось, издевался над ними, – превратился из рыцаря во врага всех добродетелей, предписанных христианскому воину Церковью. Они были, согласно выражению тех лет, «антирыцарями» – *non militia, sed plane militia,* то есть *не воинами, но прямой угрозой*[72].

---

[70] Baldrici Dolensis Episcopi Historia Jerosolimitana, цит., iv, стр. 1: «Vos accincti cingulo militiae, magno superbitis supercilio; fratres vestros laniatis atque inter vos dissecamini. Non est haec militia Christi, quae discerpit ovile Redemptoris. Sancta Ecclesia ad suorum opitulationem sibi reservavit militiam, sed vos eam male depravatis in malitiam […] vos pupillorum oppressores, vos viduarum praedones, vos homicidae, vos sacrilegi, voi alieni iuris direptores: vos pro effundendo sanguine christiano expetitis latrocinantium stipendia; et sicut vultures odorantur cadavera, sic longiquorum partium auspicamini et sectamini bella. Certe via ista pessima est quoniam a Deo remota est. Porro si vultis animabus vestris consuli, aut istiusmodi militiae cingulum quantocius deponite, aut Christi milites audacter procedite et ad defendendam orientalem Ecclesiam velocius concurrite». Важно отметить, насколько обвинения, выдвигавшиеся против milites, перекликались с перечнем запрещенных деяний, установленным соборами Pax Dei. Ранняя рыцарская этика формировалась, так сказать, «от противного»: она определялась не тем, что надлежит делать, а тем, чего следует избегать, чтобы стать истинным miles Christi (воином Христовым). Поль Руссе отмечает, что, хотя первое правило Клермонского собора вновь подтвердило принципы Pax Dei, провозглашенный на том же соборе «призыв к крестовому походу» одновременно предложил рыцарям альтернативный путь; это противопоставление свидетельствовало о несостоятельности институтов Pax Dei и подчеркивало потребность в более эффективной формуле, способной прийти им на смену (см. P. Rousset, Saint Bernard et l'idéal chevaleresque, в "Nova et vetera", xvl, 1970, стр. 28–35).

[71] По этому вопросу см. H. E. J. Cowdrey, Pope Urban ii preaching of the first crusade, в "History", IV, 1970, стр. 177–188.

[72] Термин «антирыцари» никоим образом не подтверждается источниками, и на него нет ссылок ни в одной историографической традиции. Мы используем его для обозначения тех воинов, которые, несмотря на то, что являлись таковыми по объективным социальным и техническим причиам, несмотря на получение регалий и ношение знаков отличия (что со временем также стало давать им юридические преимущества), тем не менее своим поведением не показали, что они восприняли новаторский этический урок, который Церковь преподала их ордену в XI веке и который они усвоили и распространяли с тех пор также среди мирян. У нас есть несколько примеров таких «антирыцарей» из хроник, а также литературы: действительно, те, кто принадлежит ко второй группе, хотя и обладают в меньшей степени знанием объективной реальности, являются более яркими примерами. Такие эпизоды, как разграбление и сожжение монастыря монахинь, описанные в «Песне Рауля де Камбре», можно было бы считать плодом эпического преувеличения, если бы, с другой стороны, мы не видели драматического своевременного подтверждения в хрониках. См., например, эпизод разграбления и осквернения монастыря Редона в Hildeberti vita, в pl, clxxi, кол. 78. Рауль де Камбре в некотором смысле является наиболее ярким представителем антирыцарства, см.

Слова понтифика, как и события в Испании, на юге Италии и в Англии, куда воинов влекли финансовые возможности, позволили взглянуть на проблему с иной стороны: *ordo bellatores,* то есть воинское братство, тоже состояло из нуждавшихся представителей низших социальных слоев, осознавших свою социальную незащищенность. Стремление продвинуться по социальной лестнице и в то же время гордость от осознания своего отличия от высших феодальных классов, по-видимому, были основными их характеристиками как группы. Возьмем, к примеру, некоего Готье, красноречиво прозванного Нищим – его можно считать типичным представителем воинского сообщества. Это был храбрый рыцарь, одаренный политик и организатор, который во время Первого крестового похода возглавил бедняков – *pauperes, populares, peregrini,* – поддержал их требования к воинскому сословию *milites* и феодальной власти.

Определение истинного социального статуса небогатого рыцаря до сих пор представляет собой проблему, которую исторической науке еще предстоит тщательно исследовать. Прежде всего, сравнительные характеристики богатства, значение понятий «больше» или «меньше» приводят нас в область субъективных и относительных категорий, находящихся в непрерывной динамике. Социально-экономическое положение далеко не всегда напрямую связано со званием, происхождением и правовым статусом. На самом деле мы до сих пор очень мало знаем о реальных условиях жизни *vassi,* вассалов: были ли они *casati* – то есть принадлежали ли к знатным семьям, были ли они рыцарями, несшими караульную службу в замках, *milites castri*; а может быть, они были отрядами телохранителей феодалов, или же речь шла о рыцарях – владельцах собственных, независимых от феодала наделов (аллодов).

Чтобы обнаружить какие-либо общие черты, нужно прежде всего обратить внимание на те категории, которые, согласно источникам, обладают характеристиками, четко отличающими их от других, даже если они частенько не слишком конкретизируют суть этого различия. В латинских источниках встречается особая категория *iuvenes* (молодежь), а во французских – *bachelers* (холостяки). Считать эти две группы одним и тем же сообществом все-таки не стоит, хотя их названия и имеют схожий смысл; однако между ними определенно была связь[73]. Вер-

---

O. Iodogne, Sur l'originalitè de "Raul de Cambrai", в сборнике Aa.Vv., La technique littéraire des Chansons de Geste, Paris 1959, стр. 37–58; а также в W.C. Calin, The old French epic of revolt: Raoul de Cambrai, Renaud de Montauban, Gormond et Isembard, Genève-Paris 1962. Еще одним примером фигуры «антирыцаря», почерпнутой из эпической поэзии – жанра, уходящего корнями в реальные исторические события и личности (что, вопреки некоторым крайностям школы Бедье, было доказано в трудах Фараля, Лота, Лежён и других исследователей), – является Роберт Дьявол; именно ему мы обязаны формулировкой своего рода «антирыцарской этики», в которой насилие по отношению к церковному имуществу и служителям Церкви предстает самой сутью militia (рыцарского служения): «Раз я рыцарь, я заставлю монахов страдать; я не оставлю им ни радости, ни богатой обители»: K. Breul (под редакцией), Le dit de Robert le Diable, строки 227–228, в Abhandlungen Herrn Prof. Dr. Adolf Tobler, Niemeyer, Halle, 1985, стр. 373).Еще один пример, баллада под названием *Le Chevalier au Barisel* (издание F. Lecoy, Paris 1955), обнаруживает черты, связывающие это произведение – даже в антропологическом плане – с «сообществами воинов» древних германцев; он напоминает нам, что древние «проторыцари» были, так сказать, первоначальной формой *miles* – фигуры, в отношении которой Церковь впоследствии совершила своего рода идеологическую революцию. См. M. Le Merrer False, Contribution à une étude du "Chevalier au Barisel", в сборнике "Le Moyen Âge", LXXVII, 1971, стр. 263–275.Наконец, самым известным историческим примером «антирыцаря» – фигурой, относящейся, по сути, к первой половине XII века, – является Томас де Марль. Это был рыцарь-хищник; согласно преданиям, именно он первым взошел на стены Иерусалима в июле 1099 года, став тем самым героем Первого крестового похода (или, по крайней мере, человеком, которого изображали таковым). Однако в декабре 1114 года он предоставил убежище убийцам епископа Лана и был объявлен прелатами Реймсской провинции опозоренной и недостойной ношения рыцарского пояса персоной. Сугерий, аббат Сен-Дени, описывая его кончину – последовавшую без каких-либо признаков раскаяния, – прибегает к своего рода апологетической схеме *mors persecutoris* (смерть преступника). См. Sugerii, Vita Ludovici Grossi, в Sulla falsariga anche, CLXXXVI, кол. 1328–1329). В нормандской Англии аналогом Томаса выступали те мятежные феодалы, которые неоднократно омрачали кровопролитием правление Стефана Блуаского (см. I. H. Round, Geoffrey de Mandeville. A Study of the Anarchy, London 1892). Любопытно, как литература той эпохи, описывая этих «антирыцарей», словно набрасывает образ фигуры, являющейся скорее «врагом Божьим», нежели просто дурным христианином или атеистом; Персеваль – или Парцифаль – в рыцарских романах Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха проходил через подобный этап.

[73] По поводу категории iuvenes см. G. Duby, Nella Francia nord-occidentale, цит.; по поводу категории bachelers, см. J. Flori, Qu'est-ce qu'un bacheler? Etude historique de vocabulaire dans les chansons de geste du xiie siècle, в сборнике "Romania", xciv, 1975, стр. 289–314.

немся обратно к категории конных воинов, которых латинские источники (с оттенком парадоксальности, учитывая юридический и теоретический язык того времени) называли *paupers miles,* нищими воинами. В народных французских песнях они звались *pavre bacheler,* то есть бедными холостяками[74]. Очевидно, что разговорная речь ярче и полнее отражала социальную реальность, чем строгие термины латыни. Народу было недостаточно одного слова *miles* для описания чрезвычайно сложного сообщества – широкого спектра рыцарских статусов и соответствующих им разных уровней престижа, образа жизни, потребностей. Так возникли разнообразные разговорные определения для разных представителей *miles: бароны (baron), вассалы (vassal*), *шевалье (chevalier*), *холостяки (bacheler)* и множество иных. *Bacheler,* то есть холостяк, бессемейный мужчина, служил *сеньору (senior*) и получал от него вознаграждение не столько деньгами, сколько оружием, лошадьми, одеждой, ценными предметами и пищей, проводя всю свою повседневную жизнь рядом с начальником. Но их положение «грошовых наемников» (*pro solidi paucis mercenarii* – «найми их за пару монет») наверняка было незавидным. Их будущее было ненадежным, а обращались с ними хозяева уничижительно (увидим это на примере Рауля де Камбре).

Мы уже убедились, что кризис Церкви в XI веке способствовал формированию различных религиозных течений, а Первый крестовый поход активизировал стремления к социальному равенству[75]. Концепция избранности, воздвигнутая на идеалах мученичества, стала основным духовным мотивом крестового похода. Эта концепция перекликалась с идеалами бедности, известными еще с евангельских времен, вновь открытыми и переосмысленными монашескими орденами времен обновления Церкви[76]. В свете вышеупомянутого прозвища крестоносца Готье «Нищий» обретает иное, более серьезное значение. Указывало ли оно только на имущественное состояние? Возможно, это было боевое прозвище или девиз, некое программное заявление? *Pauper miles* Готье Нищий, вероятно, не был настолько беден, но был уверен, что бедные наследуют землю, и не стоит уповать на властителей. Эту убежденность разделяли многие крестоносцы, которые в большинстве своем были не слишком состоятельны, а некоторые даже носили наградной рыцарский пояс с надписью: «Господь *deposuit potentes et exaltavit humiles*», то есть «низложил сильных и возвысил смиренных»[77].

А теперь вспомним другое событие. Обращение, *conversio,* папы Григория VII, а вслед за ним и папы Урбана II к *milites* определило их поступки, однако не трогало или, по крайней мере, не должно было трогать их сердца. Переключившись с убийств братьев во Христе на убийство язычников, рыцари, по сути, не изменились. Религиозность Роланда, какой бы искренней и возвышенной она ни была, проявилась только перед смертью, не оказав ни малейшего влияния на жизнь – он жил жизнью язычника, героя древнегерманских эпических саг, увенчанной на пороге гибели обращением в веру. Смерть христианского героя выглядела как *imitatio Christi,* подражание Христу. Согласно древней традиции мученичества, Роланд стал *alter Christus,* то

---

[74] См., к примеру, Couronnement de Louis, ст. 2256, или Charroi de Nimes, ст. 641, цитируется в M. Mancini, Società feudale e ideologia в “Charroi de Nimes”, Firenze 1972, стр. 95, 97. “Charroi de Nimes” переведена на итальянский, см. перевод G. E. Sansone, Bari 1969), см. также статью A. Adler, A propos du “Charroi de Nimes”, в сборнике Mélanges de lingue et de littérature du Moyen Âge et de la Renaissance offerts à Jean Frappier, I, Genève 1970, стр. 9–15.

[75] См. P. Alphandéry, A. Dupront, La Cristianità e l’idea di crociata, цит., стр. 61–128; P. Rousset, Les origines et les caractères de la première croisade, Neuchâtel 1945, стр. 68–109; G. Miccoli, Povertà e ricchezza nelle prime crociate, in Povertà e ricchezza nelle spiritualità dei secoli XI e XII (Atti del convegno), Todi 1969, стр. 45–80.

[76] По этому важному вопросу см. M. Mollat (под редакцией), Études sur l’histoire de la pauvreté (Moyen Age – XVI siècle), Publications de la Sorbonne, Paris 1974, 2 том., неоднократно цитируется в книге T. Manteuffel, Nascita dell’eresia, Sansoni, Firenze 1975, с комментарием A. Vauchez, La pauvreté volontaire au Moyen Âge, в “Annales. é.s.c.”, xxv, 1970, стр. 1566–1573. Библиография по этой теме весьма обширна: мы ограничимся основными работами, из которых можно узнать о самых последних исследованиях.

[77] Для решения подобных задач рекомендуется обратиться к интересным наблюдениям, представленным в L. K. Little, L’utilité sociale de la pauvreté volontaire, в сборнике Mollat (под редакцией), Études, цит., I, стр. 447–459.

есть подобием Христа именно потому, что он умер как мученик. Однако ни он, ни тем более его менее совершенные подражатели в реальной жизни не переживали никакой внутренней трансформации, составляющей истинную суть обращения в христианство. Рыцари, которым мирные соборы, церковные реформаторы доверили возвышенную миссию, внесли в нее прежние страсти – тягу к грабежу, насилию, кровожадность и мстительность[78]. Что в Испании, что в Сирии священная война предлагала и отчаянные приключения, и одновременно благородные деяния. «Нет нужды нести тяготы жизни, – пел трубадур, – совершая деяния, приносящие честь и спасающие от ада: есть ли что лучше?»[79] Мнение трубадура может показаться несколько циничным и, без сомнения, необдуманным с теологической точки зрения. Конечно, оно не отражало истинных намерений папы Григория VII, который не одобрил уход в монастырь Гуго Бургундского, поскольку он ослабил воинов Христа, по мнению понтифика. Но вполне вероятно, оно отражало представления многих солдат того времени, идеи, вдохновлявшие их на поле боя, в битвах за цели, названные Церковью святыми.

Среди первых реформаторов были и те, которые придерживались взглядов, весьма далеких от идей папы Григория. Достаточно вспомнить Петра Дамиани[80], который осуждал прямое и косвенное применение силы в любых обстоятельствах, даже в случае защиты законных прав Церкви силами мирян-добровольцев *(defensores)*[81]. Любое проявление силы было для него прерогативой *saeculum,* мирской общины, а поскольку великий монах ассоциировал мирскую жизнь с грехом, применение оружия подлежало осуждению. Для духовенства, по его мнению, даже косвенное обращение к насилию свидетельствовало об унижении идеалов, предательстве *conversio,* возвращении к мирским законам; как «пес возвращается на свою блевотину» – использовал он одно из самых презрительных выражений аскетов[82]. Исследователи полагают, что в своей сентенции «люди этого века, которые стремятся прославиться воинской доблестью, желают праздновать свои победы устами народа» *(saeculi huius homines, qui bellorum ambiunt*

---

[78] Это отлично разъяснено в статьях C. Dawson, The Feudal Society and the Christian Epic, в сборнике Medieval Essays, Sheed and Ward, London-New York 1953, стр. 185–210, и его же La religion et la formation de la civilisation occidentale, перевод на французский. Paris 1953, стр. 149 и далее. Многочисленные примеры прославления христиан, погибших в бою, см. в A. Dickman, Le rôle du surnaturel, стр. 101–112. В героических балладах мотив «смерти героя» обретает мученическое и иератическое измерение: умирающий рыцарь предстает как typus Christi patientis (образ страдающего Христа). В образе Роланда эти черты, разумеется, проявляются особенно ярко – и прежде всего именно они были выделены в многочисленных исследованиях: См. M. Roques, L'attitude du héros mourant dans la "Chanson de Roland", в сборнике "Romania", lxvi, 1940–41, стр. 355–366; G. J. Brault, Le thème de la mort dans la "Chanson de Roland", в сборнике "Studia romanica", xiv, 1959, стр. 220–237; E. Vina Ver, La mort de Roland, в сборнике "Cahiers de civilization médiévale", vii, 1964, стр. 133–143. Но если оставить в стороне случай Роланда, то другие примеры – при внимательном рассмотрении – кажутся еще более красноречивыми. Оливье, чувствуя, что силы покидают его, лежит на земле и читает молитву покаяния mea culpa, и при этом вспоминает «cum omni humilitate prostratus omni corpore in terra» из Regula canonicorum di san Crodegango, pl, lxxxix, кол. 1105; в статье Roques, L'attitude, цит., отмечается, что кончина героя Оливье похожа на смерть святого Поппо, аббата Ставло, описанную в его житии (Vita), – тексте, созданном примерно в ту же эпоху, что и «Песнь о Роланде» (Acta Sanctorum, II янв., стр. 338–352; III, стр. 252, 266). Еще более примечателен и трогателен случай гибели Вивьена, племянника Гильома, – юного героя, который, следуя характерному рыцарскому обету (встречающемуся также у тамплиеров), дал слово никогда не отступать перед сарацинами (см. R. Lejeune, L'esprit de croisade dans l'épopée occitane, в Paix de Dieu et guerre sainte en Languedoc au xiii siècle, Toulouse 1969, стр. 143–173, начиная со стр. 168–173; E. Delaruelle, Les saints militaires de la région de Toulouse, цит., стр. 174–183, особ. стр. 175). Глубоко новаторское видение проблемы представлено в A. Fassò, Dai poemetti agiografici alle chansons de geste o viceversa?, в сборнике Critica testuale ed esegesi del testo. Studi in onore di Marco Boni, Bologna 1983, стр. 45–95. В любом случае необходимо помнить – не сводя при этом дело к чисто литературному вопросу, – что образ героя, умирающего как мученик, типологически дополняет образ мученика, умирающего как герой, и исторически находит в нем свое отражение; см. главу, специально посвященную этой теме, Les passion épiques nel libro автора H. Delehaye, в издании Les passions des martyrs et les genres littéraires, Bruxelles 1921, стр. 236 и далее.

[79] M. Bloch, La società feudale, цит., стр. 335. Трубадур – Понс де Капдюэйль.

[80] Петр Дамиани (1007–1072) – католический монах-бенедиктинец, кардинал, богослов, деятель Григорианской реформы; канонизирован в лике святых. Петр Дамиани был горячим сторонником реформ в Церкви и в монашестве, ратовал за строгое соблюдение бенедиктинского устава в монастырях и независимости монастырей от светской власти.

[81] Petri Damiani, Epistolae, iv, 9. Ad Oldericum episcopum Firmanum, в pl, cxliv, кол. 311–320.

[82] Petri Damiani, Opusculum xl. De frenanda ira, 5, в pl, cxl, v, кол. 656.

virtute clarescere, qui per oras vulgi suas optant victorias celebrare)[83] он противопоставлял «новое», духовное оружие христиан боевому снаряжению и указывал на мирскую сущность происходившего и предосудительную моральную позицию. Мирская деятельность осуждалась как таковая, *«мир», saeculum,* понимался как прямая противоположность монастырю. Всякий монах, выходя за стены монастыря, оказывается в *saeculum*; и наоборот, мирянин, уходя в монастырь, покидает *Aegypti huius tenebras,* то есть «тьму египетскую», оставляет *Sodomis,* то есть Содом[84]. На языке Петра Дамиани все термины, относившиеся к мирской жизни, *saeculum,* означали нечто «порочное», «греховное», «нечестивое». Светские ценности для него имели исключительно негативный смысл; единственное возможное спасение состояло в бегстве из Египта, выходе из Содома, отказе от мира и поиске убежища в монастыре. Обращение к вере, *conversio,* согласно его представлениям, могло быть только окончательным и бесповоротным, поэтому *militia Christi,* воины Христовы, не могли считаться обращенными в истинную веру, пока не отрекутся от тщеславия *(vanitates)* и не противопоставят себя мирским воинам *(militia saeculi)*. Однако эти нормы начали постепенно смягчаться примерно с начала XI века, пока практически не исчезли при папе Григории VII[85]. Борьба с противниками церковной реформы, отпор сарацинам, расширение границ христианства, смерть во имя Христа – для святого Петра Дамиани все это было продолжением греховной жизни, подлежащей вечному проклятию.

Он, конечно, не считал Роланда спасшимся, однако следует заметить, что в недавних исследованиях появились важные указания на постепенное смягчение идеалов Петра Дамиани с течением времени, от полной непримиримости к гибкому пониманию «государственных нужд», что дает возможность изменить трактовку позиции святого, особенно в суждениях о воинах Христа[86].

---

[83] Petri Damiani, Sermones, lxvi, в cxliv, кол. 883–884: фрагмент, всецело вдохновленный контрастом между аскетизмом, с одной стороны, и воинским тщеславием, vanitas – с другой. См. R. Bultot, La doctrine du mépris di monde en Occident, de Ambroise à Innocent iii (iv. 1. Le XI siècle. Pierre Damien), Louvain-Paris 1963, стр. 54.

[84] Petri Damiani Epistolae, viii, 12, в pl, cxliv, кол. 393. Содом, как и Египет, служит символом греха. Однако в случае с рыцарями можно задаться вопросом: действительно ли подобные обвинения указывали на конкретный порок? Вспомним отрывок из трактата De laude (III, 2), где Бернард с едкой иронией высмеивает женоподобные манеры и обычаи светского рыцарства. Все цитаты из De laude можно найти в последнем переводе Ф. Кардини в издании Bernardo di Clairvaux. Lode della nuova cavalleria, il Cerchio, Rimini 2017. И Гвиберт Ножанский, и Ордерик Виталий подчеркивали порочность «ватаг» молодых рыцарей своей эпохи – именно того периода, который нас здесь интересует; последний, говоря об одном iuvenis, покинувшем свиту Гуго Честерского, описывает его как человека, освободившегося «quasi de flammis Sodomae» (см. G. Duby, Nella Francia nord-occidentale, цит., стр. 139), В контексте связи с другими текстами это трудно рассматривать как инвективу, основанную на гендерном признаке. Следует помнить, что подобные антропологические явления часто встречаются в воинских братствах: см. A. Brelich, Le iniziazioni, Edizioni dell'Ateneo, Roma 1956, ii, стр. 50 и далее.; G. Dumézil, Ventura e sventura del guerriero, Rosenberg & Sellier, Torino 1974, стр. 142. Что касается язычников, то народ тайфалов был упомянут еще Тацитом. Что же касается общего вопроса о соотношении христианской этики и гомосексуальности, см. D. S. Bailey, Homosexuality and the Western Christian Tradition, Hamden 1975, и J. Boswell, Cristianesimo, tolleranza, omosessualità, ит. пер., Milano 1989.

[85] См. C. Erdmann, Die Entstehung, цит., стр. 51 и далее.

[86] Исследование N. D'Acunto, I laici nella Chiesa e nella società secondo Pier Damiani. Ceti dominanti e riforma ecclesiastica nel secolo XI, Roma 1999, позволило выявить важные этапы в развитии мысли Петра Дамиани – от его первоначальной бескомпромиссности до более гибкого взгляда на «обязанности, диктуемые положением». Ценный вклад в изучение этой темы вносит докторская диссертация Caterina Ciccopiedi, La figura del vescovo in Pier Damiani: tra ideale e reale («Образ епископа у Петра Дамиани: между идеалом и реальностью»), блестяще защищенная в 2017/2018 учебном году в Scuola superiore di studi storici dell'Università di San Marino (под научным руководством N. D'Acunto).

Осененные крестом

В конце XI века Европу и Азию потрясло неожиданное событие – своего рода «священная весна» *(ver sacrum),* волна миграции. Вооруженные люди, вероятно, около нескольких тысяч (трудно предположить точное количество), в сопровождении толп нищих и паломников в ноябре 1095 года приняли приглашение папы Урбана II, отправленное из Клермон-Феррана. Папа на самом деле хотел обратиться не к ним, а к военной аристократии. *Iter,* то есть военная экспедиция – так назвали этот поход аристократы и рыцари, согласившиеся отправиться на Восток. Василевс, византийский император, нуждался в западных воинах с их мощными лошадьми и тяжелым вооружением, чтобы противостоять новой волне мусульманских народов, двигавшихся из глубин Азии. *Peregrinatio* называли свое движение *pauperes Dei,* мечтавшие об Иерусалиме не столько земном, сколько Небесном[87], об Иерусалиме после Апокалипсиса. Это были времена напряженности и потрясений, беспорядочного демографического роста, политических и экономических кризисов, пугающих легенд и больших надежд. Эта странная экспедиция сформировалась почти случайно, была организована стихийно, в условиях раздоров и беспорядка. Ей удалось завоевать Иерусалим, вопреки всем планам и надеждам, и основать западное христианское королевство на землях Востока. Сегодня мы называем это безумие «крестовым походом»: это название возникло позднее. Но в те времена воины и паломники нашивали себе на одежду небольшой матерчатый крест в знак обета, данного папе; их называли *cruce signati* (осененные крестом).

Для многих рыцарей крестовый поход был возможностью принять мученичество, для других – шансом заполучить богатую добычу. Наконец, были те, кому он предоставлял возможность получить во владение плодородные земли, о которых в Европе нельзя было даже мечтать. Если же рассматривать крестовый поход с точки зрения духовного опыта, то он, несомненно, оставлял желать лучшего. Многие рыцари сознавали, что для истинного *conversio* его было недостаточно. Были и гораздо более насущные потребности. Спешно созданное завоевателями Иерусалимское королевство на самом деле представляло собой сеть крепостей, контролировавшихся горсткой франкских военачальников в опасном, враждебном окружении. Немногочисленные наземные пути сообщения кишели разбойниками, прибрежные порты, вышедшие из-под контроля мусульман, подвергались опасности быть атакованными египетским флотом. Не было никакой надежды, что ситуация улучшится, по крайней мере, в ближайшем будущем. После завоевания Иерусалима туда хлынул поток паломников, но в основном это были люди, не готовые ни воевать, ни тем более оставаться на Святой земле. Чудом завоеванные земли находились под постоянной угрозой утраты из-за нехватки вооруженных сил[88]. Более того, многие воины-крестоносцы, исполнив свой обет, стремились как можно скорее вернуться в Европу, несмотря на призывы остаться и превратить заморские земли в новую родину. Например, летописец Фульхерий Шартрский воспевал великолепие и богатство новой родины, называя ее *Terra Promissionis,* то есть землей обетованной.

Увы, безопасность путей сообщения на «завоеванной» Святой земле оставляла желать лучшего. По сути, крестоносцы оказались заперты в стенах городов, чуть ли не случайно попавших к ним в руки, став настоящими пленниками в тех же самых местах, победа над которыми казалась обманчиво легкой. В источниках, повествующих о паломниках, высадившихся на Святой земле после завоевания, можно найти длинный список вторжений, грабежей и убийств.

---

[87] Небесный Иерусалим – это символический святой город, описанный в 21-й главе Откровения Иоанна Богослова как сходящий от Бога с неба в конце времен. Он символизирует совершенное единение Бога с людьми, вечное царство, где нет смерти, слез и болезней.

[88] По проблеме нехватки воинов см. проницательные наблюдения J. Richard, Le royaume latin de Jérusalem, Paris 1953, стр. 29–30; см. также J. Prawer, Colonialismo medievale. Il regno latino di Gerusalemme, Jouvence, Roma 1982.

По дороге из порта Яффы в Иерусалим, проходившей через Рамлу и Лидду[89], прославленную святилищем святого Георгия, без сопровождения проехать было невозможно. Дорога, которая вела из Иерусалима в Хеврон, город гробниц патриархов, проходила через Вифлеем, на ней вскоре была воздвигнута крепость Бет Сурик (маленькая *Mahomeria*)[90]. В святых местах Галилеи, между Назаретом и Тивериадой, христиане не могли передвигаться без риска быть атакованными сарацинами. Основными жертвами нападений были *pauperes,* то есть паломники[91]. В итоге ситуация оказалась аналогична той, которая определила зарождение движения *Pax Dei,* с той лишь разницей, что здесь врагами были не только *tyranni,* но и неверные.

В большинстве случаев *bellatores,* воины, принимавшие участие в завоевании Святого города, исполнив свой обет *cruce signati,* подписанный на камне Гроба Господня, возвращались на Запад (вероятно, с добычей). Некоторые предпочитали остаться в стремлении обогатиться за счет приобретения владений и почетных должностей в новом Иерусалимском королевстве. Были и те, кто считал, что экспедиция, начавшаяся в Клермоне, превратилась-таки в *conversio,* изменила их жизнь. Эти рыцари донесли до самых стен Сиона мечту о *militia Christi,* и такие, как Готье Нищий (если то, что утверждают источники, на самом деле правда), никак не могли смириться с тем, что их мечты так позорно рухнули. И если *aventure,* приключение, и могло остаться в жизни рыцаря всего лишь эпизодом, интересным воспоминанием, то *conversio* было серьезным деянием, совершавшимся раз и навсегда. Это привело к тому, что некоторые *milites* по окончании крестового похода считали своим долгом и миссией, чуть ли не главной целью в жизни, держать оборону Святой земли, паломнических путей, дорог, приютов, караван-сараев и подземных водохранилищ. Одним словом, они встали на защиту земли Христовой и *pauperes,* скитавшихся по ней. Добровольная бедность и общее имущество, согласно практике покаяния, уже принятой другими рыцарями еще в самом начале реформ, стали краеугольным камнем их нового призвания. Разрыв с традицией не только на уровне общества, но также и в терминологии был очень силен – они смогли называть себя и *milites,* и *pauperes* одновременно. Этот парадокс и стал их знаменем[92].

В отличие от тех, кто покинул Европу в надежде разбогатеть, они оставались верны идеалам бедности, распространенным в христианском духовенстве в тот исторический период, и поддержанным в период между 1096 и 1099 годами среди *milites* и *populares,* воинов и мирных граждан. В подражение Европе, в XI веке на Святой земле после крестового похода возникли монашеские ордены, госпитальерские и канонические, выбравшие одной из своих целей предоставление убежища страждущим покаяния[93], в каноническом смысле, оказание помощи

---

[89] Рамла – единственный город Палестины, основанный арабами, его заложил в 716 году халиф Сулейман, предполагавший сделать его столицей Палестины вместо близлежащей Лидды. Во время Первого крестового похода Рамла стала передовой крепостью крестоносцев. Лидда же впервые упоминается еще в карнакской надписи времен Тутмоса III, а с V века до н. э. была центром иудейской учености. Город не раз упоминается в Новом Завете, был разрушен римлянами во время Иудейских войн. Именно в этом городе, предполагается, жил и был похоронен Георгий Победоносец. В период с 1099 по 1191 год Лидда была одним из центров государства крестоносцев.

[90] Bethsurieh (также Bethsurich, Bét Sürik) – историческое название местности или поселения, упоминаемое в средневековых описаниях Святой земли, латинское написание названия палестинского поселения Бет-Сурик. В средневековых источниках упоминается также *parva Mahomeria* (маленькая *Mahomeria,* термин, который крестоносцы использовали для обозначения мест с мечетями или святилищами). После Первого крестового похода (1099) Бет-Сурик стал частью Иерусалимского королевства, земли были переданы во владение рыцарям, которые пытались интегрироваться в местную сельскохозяйственную среду.

[91] Как в каноническом праве, так и в представлениях, свойственных той эпохе, паломник – вне зависимости от происхождения или социального положения – в силу самого своего статуса неизменно считался представителем pauper (бедняком); даже если это был просто кающийся грешник.

[92] Об одновременном использовании двух определений, pauper и miles, см. статью C. Violante, Riflessioni sulla povertà nel secolo xi, в сборнике Studi sul Medioevo cristiano offerti a Raffaello Morghen, ii, Roma 1974, стр. 1062. Случай, касающийся сообщества рыцарей, проживавших неподалеку от монастыря и состоявших с ним в партнерских отношениях, рассматривается C. Dereine, в “Le Moyen Âge”, LIX, 1953, стр. 197.

[93] См. G. C. Meersseman, E. Apda, Pènitents ruraux communautaires en Italie au xiie siècle, в журнале “Revue d’histoire

паломникам, особенно самым бедным и больным. Так были созданы орден братьев Иерусалимского госпиталя Св. Иоанна Крестителя (орден Родосских рыцарей с 1310 года, орден Мальтийских рыцарей с 1530 года) и орден Святого Лазаря, помогавший в основном больным проказой. Эти ордены, возникшие *ex novo,* то есть с нуля, или продолжившие деятельность уже существовавших организаций, окончательно сформировались в период между первым и вторым десятилетиями XII века, одновременно с капитулом[94] каноников базилики Гроба Господня. В 1114 году по настоянию патриарха Арнульфа де Роола[95] капитул принял устав святого Августина[96] и перешел под контроль общины, подчиняясь принципам *consuetudines,* то есть общепринятых норм. В 1122 году папа Каллист II торжественно признал новое каноническое учреждение, в число задач которого входило проведение литургических служб в базилике, охрана самой базилики и прием паломников[97].

Следует отметить, что в организации этой новой Латинской церкви Иерусалима[98], после множества совершенных по следам крестового похода *conversiones,* особой страты для рыцарей предусмотрено не было, хотя именно они были одними из главных участников крестового похода. Им предоставлялся довольно широкий выбор церковных карьер, однако среди них не было ничего, что можно было бы рассматривать как *ordo bellatorum,* орден воинов. Для воинов, *miles,* путь к Богу предполагал отказ от оружия или, по мнению папы Григория, взятие на себя подчиненной роли «вооруженного крыла» Церкви.

ecclésiastique", xlix (1954), 343–390, стр. 332–333.

[94] Капитул – коллегия священнослужителей при католическом епископе или совет ордена. Слово происходит от *лат.* capitulum (глава, собрание).

[95] Арнульф де Роол (? – 1118) – патриарх Иерусалимский в 1099 и 1112–1118 годах, видный церковный деятель Иерусалимского королевства, участник Первого крестового похода.

[96] Устав святого Августина – один из самых распространенных католических монастырских уставов, составленный, как считается, святым Аврелием Августином по образцу жизни святых апостолов.

[97] О канониках Гроба Господня и их отношениях с ранними тамплиерами см. K. Elm, Kanoniker und Ritter vom Heiligen Grab. Ein Beitrag zur Entstehung und Frühgeschichte der palästininischen Ritterorden, в сборнике J. Fleckenstein, M. Hellmann (под редакцией), Die geistlichen Ritterorden Europas, Sigmaringen, Thorbecke 1980, стр. 141–169; общие сведения см. M. Hereswitha, Canonici regolari del Santo Sepolcro, in Dizionario degli istituti di perfezione, ii, кол. 148–151. О правилах литургий см.: C. Dondi, The Liturgy of the Canons Regular of the Holy Sepulchre of Jerusalem. A Study and a Catalogue of the Manuscript Sources, Brepols, Turnhout 2004. Исследование основных проблем канонических институтов в Средние века см. C. D. Fonseca, Medioevo canonicale, Milano 1970, а также сборник статей La vita comune del clero nei secoli XI e XII, 2 том., Milano 1962.

[98] Латинский патриархат Иерусалима – католическая епархия латинского обряда, охватывающая Израиль, Палестину, Иорданию и Кипр, была основана во время крестовых походов в 1099 году.

Бедные рыцари Христа и Храм Соломона

В те времена, в условиях похода в Святую землю, крестоносцы не могли отказаться от оружия. Надежная защита паломников и святых мест была задачей, требующей не только постоянной готовности к бою, но и соответствующей подготовки, как духовной, так и военной. Именно так, к примеру, считал Гуго де Пейн[99], рыцарь, родившийся в Монтиньи, родственник самого святого Бернара[100] по первой жене, Эмелине де Туйон. Овдовев, Гуго решил остаться в Молеме, в Бургундии, в аббатстве Сен-Робер, которое его дед, тоже Гуго, владелец Пейна и Монтиньи, помог основать в 1075 году. Поступив в услужение ко двору могущественного графа Шампани, своего тезки[101], Гуго де Пейн сопровождал сеньора в Святую землю в 1104 году. По возвращении в 1107 году граф пожаловал ему Пейн во владение. Гуго женился снова на Элизабет де Шапп, от которой у него было четверо детей. В 1113 году он вместе с графом Шампани вернулся в Святую землю. Он решил остаться там и основал орден Храма[102]. Согласно преданию, записанному архиепископом Тирским Гийомом, Гуго собрал вокруг себя восемь товарищей, тоже рыцарей, и вместе они посвятили себя защите святых мест и паломников, согласившись жить на подаяния и помощь госпитальеров. После собора в Труа в 1129 году число последователей ордена и его владения начали расти[103]. Многочисленные летописцы ссылались на его «Хронику» или ее перевод на язык ойль[104] *(Estoire d'Eracles),* но, как отмечает Франческо Томмази, только Жак де Витри[105] использовал наречие *a principi* (изначально), подтвердив тем самым, что тамплиеров с самого начала было именно девять[106]. Однако внутри ордена был распространен рассказ Гийома Тирского[107]. Действительно, 1 марта 1311 года клирик и нотариус Антонио Сиччи из Верчелли, который на протяжении многих

---

[99] Гуго де Пейн (ок. 1070 – 1136) – шампанский рыцарь, первый великий магистр ордена тамплиеров (1119–1136).

[100] Бернар Клервоский (1091–1153) – французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, вдохновитель крестовых походов, цистерцианский монах, стоявший у истоков распространения ордена по Латинской Европе. Почитается католической церковью как святой и Учитель Церкви.

[101] Гуго I Шампанский (1069/1074 – 1126) – граф де Бар-сюр-Об, граф де Труа, третий сын Тибо III, графа де Блуа, и Аделаиды де Валуа, графини де Бар-сюр-Об. Гуго – первый известный граф Труа, использовавший в документах титул граф Шампани: графы Шампани – условное название для всех правителей, управлявших Шампанским регионом с 950 по 1316 год. С 1093 года стал крупнейшим светским феодалом в Шампани.

[102] Биография Гуго лучше всего изложена в Th. Leroy, Hugues de Payns, la naissance des Templiers, Lille 2011 и тот же автор, Les fondateurs de l'ordre du Temple A. Baudin, Gh. Brunel, N. Dohrmann (под редакцией), Templiers. De Jérusalem aux commanderies de Champagne, Somogy éditions d'art/Archives départementales de l'Aube, Paris 2012, стр. 35–39. Иные, помимо исторических, факты см. у M. L. Bulst-Thiele, Sacrae Domus Militiae Templi Hierosolymitani Magistri. Untersuchungen zur Geschichte des Templerordens 1118/1119–1314, Göttingen 1974 (Abhandlungen der Akademie der Wissen. в Göttingen, 86), стр. 19–29. Недавние исследования окончательно подтвердили происхождение Гуго де Пейна (или де Монтиньи) из Шампани (пограничной с Бургундией). Можно сослаться на результаты исследований, приведенные в A. Demurger, I templari, in Monaci in armi. Gli ordini militari dai templari alla battaglia di Lepanto: storia ed arte, под редакцией F. Cardini, Roma 2004, начало на стр. 64.

[103] Guillelmus a Tyro (ум. 1186), Chronicon, под редакцией R. B. C. Huygens, Turnhout 1986 (cc, Cont. med., 63/63A), xii, 7, p. 554: «Novem autem annis post eorum institutionem in habitu fuerunt seculari, talibus utentibus vestimentis, quales pro remediis animarum suarum populus largiebatur. Tandem nono anno concilio in Francia apud Trecas habito […] instituta est eis regula et habitus assignatus albus […] Cumque iam annis novem in eo fuissent proposito, non nisi novem erant, extunc vero cepit eorum numerus augeri et possessiones multiplicari».

[104] Язык ойль – общее название романских диалектов Северной Франции в Средние века, из которых сформировался старофранцузский.

[105] Жак де Витри (ок. 1160 или 1170 – 1240) – французский хронист и церковный деятель, автор «Восточной истории», служащей ценным источником информации о крестовых походах.

[106] F. Tommasi, Non nisi novem erunt: Guglielmo di Tiro e la contabilità dei primi templari, в сборнике J.M. Sans Travé, J. Serrano Daura (под редакцией), Actes de les Jornades Internacionals d'Estudi sobre els Orígens i l'Expansió de l'Orde del Temple a la Corona de Aragó 1120–1200, Tortosa, 7, 8 i 9 de maig de 2004, Diputació de Tarragona, Tarragona 2010, стр. 27–51

[107] Гийом Тирский (ок. 1130 – 1186) – видный церковный и общественный деятель Иерусалимского королевства, один из важнейших летописцев крестовых походов.

лет служил в храме Акры, сообщил об этом в показаниях перед парижским судом: «Рыцари охраняли эту землю на протяжении долгого времени, почти девять лет, и их всегда было ровно девять» (Michelet, i, стр. 643–644).

Однако сомнения относительно достоверности данных, использованных хроникерами, вполне обоснованы. Разночтения можно обнаружить даже в самых древних источниках. Некоторые, наиболее осторожные, такие как «Хроника аббата Симона Сен-Бертенского» (ум. 1148), предпочитают говорить о *nonnulli,* нескольких тамплиерах, не уточняя их количество, а другие, например «Хроника епископа Михаила Сирийца»[108] (ум. 1199), наоборот, увеличивают их количество до тридцати[109]. Поэтому число девять имеет, скорее всего, символическое значение.

В 1120 году, после собора, состоявшегося 23 января в Наблусе, король Иерусалима Балдуин II, высоко оценив результаты деятельности *fraternitas,* братства, оказавшего ему существенную военную помощь[110], отдал ему во владение мечеть Аль-Акса, расположенную в южной части площади Харам-эш-Шариф[111], известной также как Храмовая гора. Это место паломники прозвали *Tempio di Salomone,* Храм Соломона, и это имя легло в основу прозвания *militia Templi,* рыцарства Храма. Девять лет спустя, во время собора в Труа, в хроники было внесено и официальное название ордена – орден бедных рыцарей Христа, то есть тамплиеров, или храмовников. Хотя тамплиеры в те времена еще не были орденом в каноническом смысле термина. Они были скорее *fraternitas, братством,* «светским третьим орденом», как их метко обозвали служители церкви[112], и существовали в тесной связи с соседями, канониками храма Господня[113], которые не только обеспечивали условия для служения Богу обеим общинам[114],

---

[108] Михаил Сириец (1126–1199) – патриарх Сирийской православной церкви в 1166–1199 годах, автор самой подробной средневековой хроники, написанной на уже давно исчезнувшем сирийском языке арамейской группы.

[109] J. B. Chabot (под редакцией), Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199), 3, Paris 1905, p. 201 sgg.: «Histoire des Phrer (frères) francs. Au commencement du règne de Baudouin ii, un homme franc vint de Rome pour prier à Jérusalem. Il avait fait voeu de ne plus retourner dans son pays, mais de se faire moine, après avoir aidé le roi à la guerre pendant trois ans, lui et les 30 chevaliers qui l'accompagnaient, et de terminer leur vie à Jérusalem. Quand le roi et ses grands virent qu'ils s'étaient illustrés à la guerre, et avaient été utiles à la ville par leur service de ces trois années, ils conseillèrent à cet homme de servir dans la milice, avec ceux qui s'étaient attachés à lui, au lieu de se faire moine, pour travailler à sauver son âme seule, et de garder ces lieux contre les voleurs. Or, cet homme, dont le nom était Hou[g] de Payn, accepta ce conseil; les trente cavaliers qui l'accompagnaient se joignirent et s'unirent à lui. Le roi leur donna la maison de Salomon pour leur habitation et des villages pour leur subsintance. De même, le patriarche leur donna quelques-uns des villages de l'Eglise. Pour eux, ils s'imposèrent la règle de vivre monastiquement, ne prenant pas de feme, n'entrant point au bain, ne possédant absolument rien en propre, mais mettant en commun toutes leurs possessions» (пер. с фр.: История франкских братьев. В начале правления Балдуина II человек от франков пришел из Рима в Иерусалим вознести молитву. Он не хотел больше возвращаться в свою страну, хотел стать монахом, после того как три года сражался вместе с королем, сам и еще 30 рыцарей, сопровождавших его. Он хотел закончить свои дни в Иерусалиме. Когда король и его вельможи увидели, как эти люди проявили себя на войне и какую за три года службы принесли пользу городу, они посоветовали ему и его сподвижникам не уходить в монахи ради спасения лишь собственной души, а вместо этого вступить в воинское братство и охранять эти земли от разбойников. И этот человек, которого звали Гуго де Пейн, принял этот совет. Тридцать сопровождавших его рыцарей присоединились к нему. Король предоставил им для жилья дом Соломона, а для пропитания – деревни. Патриарх также выделил им несколько церковных деревень. Сами же они приняли монашеский обет: не брать жен, не посещать бани, не иметь никакой личной собственности, а все имущество держать сообща»).

[110] Балдуин из Ретеля, лорд Ле Бурга, двоюродный брат Балдуина I и Готфрида Бульонского, взошел на престол Иерусалима 14 апреля, приняв имя Балдуин II (см. Runciman, Storia delle crociate, цит., стр. 403–404). Однако Рансимен приписывает размещение тамплиеров в том месте, от которого орден получил свое название, не Балдуину II, а Балдуину I. Вполне возможно, что Балдуин I уже оказывал поддержку «братству» (fraternitas) Гуго, а его преемник, вероятно, по совету патриарха Гормонда де Пикиньи, родственника сооснователя ордена Годфруа де Сент-Омера, подтвердил и развил это направление действий.

[111] Харам-эш-Шариф, или Храмовая гора, – обнесенная высокими стенами прямоугольная площадь, находящаяся с восточной стороны Старого города Иерусалима, самое священное место для иудаизма и третье по святости для ислама. На территории Храмовой горы находился Первый, а затем и Второй Иерусалимский храмы. Первый был разрушен Навуходоносором II при подавлении восстания последнего царя Иудеи Седекии против Вавилона; второй был восстановлен Иродом и разрушен римлянами под предводительством Тита в 70 году н. э. В период владычества арабов с 638 по 1099 год в южной части Храмовой горы мусульманами была построена мечеть Аль-Акса.

[112] Согласно C. Dereine, в "Le Moyen Âge", LIX, 1953, стр. 197.

[113] Эта связь между тамплиерами и канониками подтверждается предписанием, содержащимся в Уставе Храма, следовать литургическим обычаям каноников Гроба Господня. С литургической точки зрения, по сути, тамплиеры были Ordo canonicus

но и выступали в качестве духовных наставников. Гуго де Пейн и его соратники, еще до того как вступить в контакт с канониками *Templum Domini,* и даже еще до того, как получить от жителей Иерусалима прозвание «тамплиеры», поддерживали связь с канониками храма Гроба Господня. Под сенью иерусалимской базилики, в окружении патриарха, они выступали в роли *redditi,* мирян, связанных с церковными институтами обетом[115], они активно занимались обеспечением безопасности паломников, но военной службы практически не несли. Их решение отмежеваться от капитула каноников святой базилики было во многом обусловлено необходимостью восстановить первоначальную роль *milites* и желанием сочетать ее с *conversio,* религиозным служением. В 1120 году в присутствии нового латинского патриарха Иерусалима[116] Вармунда[117] рыцари заново принесли обеты послушания, целомудрия и бедности, к которым они добавили четвертый, соответствующий их призванию: «Обещаете ли вы Богу и Святой Деве Марии, что каждый день вашей жизни будете помогать покорять, силой и властью, которыми наделил вас Бог, Святую землю Иерусалима, и будете помогать защищать и оберегать ее, насколько то в ваших силах?» Обязательный ответ гласил: «Да, синьор, если это угодно Богу» (Curzon, 676). Их титул *pauperes milites Christi* на первый взгляд звучит достаточно общо, но тесно связан с идеалами *conversio,* стремлением к мученичеству и добровольной бедности. Важно подчеркнуть, насколько важен был для тамплиеров процесс покаяния: рыцари, вступавшие в братство, прежде всего стремились к искуплению грехов[118]. Поль Руссе[119] дает весьма точное определение их положения в обществе тех лет, пусть и не совсем точное с теоретико-институциональной точки зрения, как *espèce de croisé à vie, moine armé, laic religieux* («кто-то вроде вечного странника, этакий вооруженный монах и религиозный мирянин одно-

---

и соблюдали cursus romanu, см. A.-M. Legras, J. L. Lemaître, La pratique liturgique des Templiers et des Hospitaliers de Saint-Jean de Jйrusalem, в C. Bourlet, A. Dufour (под редакцией), L'écrit dans la société médiévale, Editions du C.N.R.S., Paris 1991, Jérusalem, стр. 77–137. Что касается литургической практики каноников Гроба Господня и военных орденов, то по этому вопросу следует обращаться к трудам Кристины Донди; она убедительно показала, что тамплиеры на Западе – в отличие от госпитальеров – придерживались литургических обычаев местных церквей: Manoscritti liturgici dei templari e degli ospitalieri: le nuove prospettive aperte dal sacramentario templare di Modena (Biblioteca capitolare, o.ii.13), в S. Cerrini (под редакцией), I templari, la guerra e la santità, цит. и тот же автор, la voce "Liturgie", в Ph. Josserand, N. Bériou (под редакцией), Prier et Combattre. Dictionnaire européen des ordres militaires au Moyen Âge, Fayard, Paris 2009, стр. 547–551 и список литературы. Следует, однако, отметить, что устав ордена тамплиеров строго следует уставу святого Бенедикта: S. Cerrini, La rivoluzione dei templari, Mondadori, Milano 2014 [Paris 2008].

[114] Такова весьма правдоподобная гипотеза, выдвинутая Жан-Леклерком; однако – в отличие от его более ранней работы (J. Leclercq, Un document sur les débuts des Templiers, «Revue d'histoire ecclésiastique», LII, 1957, с. 81–91; позднее переиздано в: Recueil d'études sur saint Bernard et ses écrits, 2 т., Edizioni di Storia e Letteratura, Рим, 1966) – здесь он совершенно упускает из виду влияние каноников Гроба Господня на ранний этап движения тамплиеров, приписывая его исключительно каноникам Templum Domini (J. Leclercq, Bernardo di Chiaravalle, ит. пер., Milano 1992, стр. 57 и далее). Между тем это влияние было решающим и сохранилось в коллективной памяти ордена.

[115] Об определении статуса redditi и в целом лиц, не являвшихся членами военных организаций, см. F. Tommasi, «Pauperes commilitones Christi». Aspetti e problem delle origini gerosolimitane, в сборнике Militia Christi e crociata nei secoli xi-xiii, Milano 1992, стр. 443–475, далее стр. 465–470; кроме того, фундаментальный обзор этой темы дан в K. Elm, Kanoniker, цит., везде. Результаты важных наблюдений можно найти в статье P.-V. Claverie, Les débuts de l'ordre du Temple en Orient, в сборнике "Le Moyen Âge", 111 (2005), стр. 545–594.

[116] Важно отметить, что организация тамплиеров была создана именно Гормондом, а не его предшественником на иерусалимской патриаршей кафедре, Арнульфом де Роолом, одной из самых противоречивых фигур раннего периода существования Иерусалимского королевства. В любом случае, сведения о попытке патриарха использовать milites (против ли суверена или, что более вероятно, против капитула собора?) слишком противоречивы, чтобы рассматривать подобную гипотезу. Дата 1120 год вытекает из исследования R. Hiestand, Kardinalbischof Matthaus von Albano, das Konzil von Troyes und die Entstehung des Templeordens, in "Zeitschrift für Kirchengeschichte", 99, 1988, стр. 308, уточнившего дату проведения собора в Труа, отнеся его к 1129 году (а не к 1128-му) на основании того, что новый год тогда начинался 25 марта, с даты Благовещения; это сдвинуло дату на год назад по сравнению с современным летосчислением.

[117] Вармунд (Гормон де Пикиньи, 1069–1128) – патриарх Иерусалима с 1118 до своей смерти в 1128 году. Играл важную роль в политической жизни Иерусалимского королевства.

[118] См. фрагмент в трактате De laude, где с особой страстностью подчеркивается покаянный характер крестового похода и деятельности тамплиеров (V, 10): Bernardo di Clairvaux, Lode della nuova cavalleria, соч.

[119] Поль Руссе – современный французский историк, доктор гуманитарных наук, признанный специалист по крестовым походам.

временно»), подчеркивая тем самым парадоксальную, антиканоническую ситуацию их появления[120]. Действительно, крестовый поход был не перманентным состоянием, а чем-то вроде экспедиции, которая объявлялась время от времени в особой папской булле. По этой же причине невозможно было стать «пожизненным крестоносцем». Однако поначалу возможность выхода из статуса мирян и кающихся грешников для тамплиеров даже не рассматривалась. До такой степени, что Гуго де Пейн еще в 1123 году подписывался своим мирским именем[121].

Поначалу тамплиерам, *pauperes milites Christi,* пришлось нелегко. Во-первых, их было слишком мало для выполнения поставленных ими же перед собой задач, хотя тот факт, что Балдуин II отдал им территорию Храма, подразумевает, что их было немного больше девяти человек, о которых рассказывается в предании.

На самом деле, как уже говорилось, упоминания о первых девяти тамплиерах входят в противоречие с данными из других источников. С одной стороны, трудно оспаривать данные, найденные у таких авторов, как Эрнуль или Михаил Сириец, но прежде всего они противоречат известным сведениям о вербовке *confratres* (собратьев) обоих полов и *sorores* (сестер) Храма, осужденной в уставе 1129 года[122]. В ходе вербовки наблюдались три основные проблемы[123]. Во-первых, духовенство не очень доверяло группе, которая, заявляя о своих стремлениях к покаянию и аскезе, не отказалась от оружия. Во-вторых, рыцари, с радостью соглашаясь сражаться против неверных, поскольку это позволяло им приобщиться к святости, не отказываясь от старых привычек, не любили и не слишком ценили послушание, целомудрие и бедность. В-третьих, жизнь и служба тамплиеров были слишком сложны для воинов, которые рассматривали свое путешествие в Святую землю только как приключение, способное принести выгоду. Нехватка идейных сторонников, трудности, сопровождавшие странный религиозно-военный эксперимент, и, наконец, шаткое положение крестоносцев на Святой земле побудили Гуго де Пейна попытаться выйти из тупика, в котором он, как полагал, оказался. В 1127 году[124] в сопровождении других тамплиеров он отправился в Европу, чтобы совершить, как сказали бы сегодня, «пропагандистское турне».

Поездка достаточно быстро принесла результаты. Незадолго до этого, в 1125 году, к *pauperes milites Christi* присоединился Гуго, граф Шампани, переживавший в то время собственный религиозный кризис. Сначала он подумывал принять монашество у цистерциан-

---

[120] P. Rousset, Les laïcs dans la croisade, в сборнике I laici nella «Societas christiana» dei secoli xi-xii (atti della terza Settimana intemazionale di studio, Mendola, 21–27 agosto 1965), Vita e Pensiero, Milano 1968, стр. 428–447.

[121] См. E. Vacancard, Vie de saint Bernard, abbé de Clairvaux, Paris 1927, стр. 254.

[122] О благочестивых женщинах Храма см. A.J. Forey, Women and the Military Orders in the Twelfth and Thirteenth Centuries, в сборнике “Studia monastica”, xxix, 1987, стр. 63–92, потом A. Demurger, Les templiers. Une chevalerie chrétienne au Moyen Âge, Éditions du Seuil, Paris 2014, стр. 128–132 (Des femmes et des enfants!) и примечания. О «сестрах» Храма S. Cerrini, Le Sorores Templi, в словаре Dizionario degli istituti di perfezione, 9 (1997), кол. 898–903; H. Nicholson, Women in Templars and Hospitallers commanderies, в A. Luttrell, L. Préssouyre (под редакцией), La commanderie, institution des ordres militaires dans l’Occident médiévale, Paris 2001, стр. 125–134; F. Tommasi, Men and Women of the Hospitaller, Templar and Teutonic Orders, в A. Luttrell, H. Nicholson (a cura di), Hospitaller Women in the Middle Ages, Ashgate, Farnham 2006, стр. 71–88. О sorores и confratres см. F. Tommasi, Uomini e donne negli Ordini militari di Terrasanta: per il problema delle case doppie e miste degli Ordini giovannita, templare e teutonico (secc. XII–XIV), в сборнике Aa.Vv., Doppelkloster und andere Formen der Symbiose männlicher und weiblicher Religiosen im frühen und hohen Mittelalter, под редакцией K. Elm, M. Parisse, Dunker & Humbolt, Berlin 1992, стр. 177–202. Недавние исследования позволяют установить имена многих sorores (сестер) ордена тамплиеров; так, например, сестра Париза де Бар входила в состав командорства Аваллер в Бар-сюр-Сен: V. Alanièce, F. Gilet, Templiers d’Avalleur, La Vie en Champagne, Langres 2017, стр. 243–257.

[123] По этому вопросу крайне полезно обратиться к A. J. Forey, Recruitment to the Military Orders (Twelfth to Midfourteenth Centuries), в “Viator”, xvii, 1986, стр. 139–171.

[124] Ален Демурже (Les Templiers, цит., стр. 51–54) реконструирует хронологию поездки Гуго на Запад в 1127–1129 годах, опираясь на новейшие историографические данные, дополняющие и уточняющие классические исследования по этой теме: V. Carrière, Les débuts de l’Ordre du Temple en France, “Le Moyen Âge”, xviii, 1914, стр. 308–335, P. Cousin, Les débuts de l’Ordre du Temple et saint Bernard, в Mélanges saint Bernard, Dijon 1953, стр. 41–52, и M. Barber, The Origins of the Order of the Temple, “Studia Monastica”, xii, 1970, стр. 219–240.

цев[125], но потом, вероятно, увидел в идеалах тамплиеров что-то более подходящее для себя. В 1129 году Гуго де Пейн и еще пять тамплиеров приняли участие в заседании синода в Труа, и *fraternitas,* братство, было официально признано Церковью. Был составлен устав, в создание которого внес большой вклад Бернар Клервоский[126], и группа рыцарей-добровольцев стала настоящим орденом. Там же, в Труа, *militia,* новое ополчение[127], стало называться *pauperes commilitones Christi Templique Salomonici* («бедные рыцари Христа и Храма Соломона»). Таким образом, тамплиеры закрепили строгое правило *sequela Christi,* то есть стремление подражать Христу, следовать Христу в бедности и одновременно быть его соратниками, как светские рыцари в *saeculum* были соратниками своих командиров, *seniores*. То есть они становились его *comitatus,* товарищами, из обычных *milites* (воинов) и *commilitones* (товарищей по оружию), они превращались в Его *commilitones,* соратников в битве. Они были не только бедняками, как бедный Христос, но и *milites,* воинами воинства Христова, *dux militum,* изгнавшего торгующих из Храма, ставшего их штаб-квартирой[128].

Устав из Труа напоминал посвященным в рыцари, что они носили белый плащ не просто так, а как знак перехода от жизни во тьме к светлой жизни примирения, поскольку белый указывал на целомудрие сердца и тела[129]. Отцы Церкви решительно осуждали тех, кто злоупотреблял белым плащом в Храме, выдавая себя за тамплиеров, но продолжали оставаться в миру, поэтому отныне они должны были носить темный плащ[130]. Так мы обнаружили, что тамплиеры носили белые плащи еще до 1129 года.

Белый плащ напоминал одеяние цистерцианцев, но прежде всего – *albae stolae, белые одежды* избранных в Апокалипсисе[131], подтверждая эсхатологический и психомахический[132] характер выбора тамплиеров. Бедный воин Христа, *pauper miles Christi,* был соратником Иисуса не только в его вселенской борьбе с врагами, но также в его личной, повседневной борьбе с самим собой, с искушением и грехом. А знаком принадлежности к воинству Христа, согласно папе Иннокентию II, описавшему его в папской булле *Omne datum optimize* («Всякий дар совершенен») 1139 года, стал крест, носившийся тамплиерами на груди. Крест был упомянут и в уставе Труа, простой, красного цвета *(toute single vermielle),* писал о нем и рыцарь и летописец Эрнуль[133].

---

[125] Цистерцианцы – католический монашеский орден, ответвившийся в XI веке от бенедиктинского ордена; монахи носят белые туники, ведут затворнический образ жизни и пропагандируют аскезу.

[126] Анализ вклада Бернара в Устав Труа см.: S. Cerrini, Une expérience neuve au sein de la spiritualité médiévale: l'Ordre du Temple, 1120–1314. Etude et édition des règles latine et française [микрофильм], Atelier national de Reproduction des Thèses, Lille 1999 – докторская диссертация Paris iv Sorbonne, Paris 1998, доступна по ссылке [www.theses. fr/1997PA040234], и наконец Eadem, La rivoluzione dei templari, цит. Вклад св. Бернара не подвергается сомнению: M. L. Bulst-Thiele, Sacrae Domus Militiae Templi Hierosolymitani Magistri, цит., стр. 22: «Предание о том, что устав ордену дал сам Бернар Клервоский, сохранялось вплоть до упразднения ордена». А. Демурже, однако, проявляет большую осторожность в этом вопросе.

[127] Впоследствии этот термин стал обозначать ордены, которые мы определяем как «военно-религиозные», тогда как определение religio продолжало применяться к тем орденам, которые не носили военного характера.

[128] Бернар говорил именно так в De laude, v, 9, о Christus dux militum. Образ Христа как dux (предводителя) носит типично апокалиптический характер (Откр. 19:11–16) и был воспроизведен Климентом Александрийским в его труде Paidagogos (1.1–12).

[129] Для нового издания Устава Труа, но без учета материалов новой эдинбургской рукописи. S. Cerrini, Une expérience neuve au sein de la spiritualité médiévale, цит.: «Omnibus autem militibus professis in hieme et in estate, si fieri potest, alba vestimenta concedimus, ut qui tenebrosam vitam postposuerunt, per liquidam et albam suo conditori se reconciliari agnoscant. Quid albedo nisi integra castitas? Castitas securitas mentis, sanitas corporis est» (арт. 19). Перевод на английский выполнен M. Barber, K. Bath (под редакцией), The Templars. Selected Sources Translated and Annotated, Manchester University Press, Manchester-New York 2002.

[130] «Dicentes se esse de Templo cum sint de mundo»: S. Cerrini, Une experience neuve au sein de la spiritualité médiévale, цит., арт. 20.

[131] Символ albae stolae также связан с оценками мученичества: «Beati qui lavant stolas suas in sanguine Agni» (Apocalisse, 22,14).

[132] Психомахия – аллегорическое понятие, означающее битву между добродетелями и пороками за душу человека. Термин происходит от названия латинской поэмы Пруденция Клеменса «Психомахия» (ок. 400).

[133] Именно Ален Демурже отметил упоминание креста в булле «Omne datum optimum» (Les Templiers, цит., стр. 139–140).

В любом случае, несмотря на безусловные успехи периода 1125–1128 годов, начало существования ордена, казалось, столкнулось с чередой трудностей. Еще до того как был утвержден устав, среди тамплиеров уже бродили неуверенность, разногласия, закрадывались сомнения и сожаления. Проявлением этого кризиса стали два события, сходные по сути и настроению, вдобавок произошедшие почти одновременно: письмо проповеднического толка от некоего «магистра Гуго», который использовал также псевдоним «Гуго Грешник». Он пытался выдать себя за Гуго де Пейна, но последние исследования[134] позволяют приписать его Гуго Сен-Викторскому[135]. Второе событие – послание-трактат Бернара Клервоского[136].

Последовательность этих событий точно определить не удалось, поэтому ради удобства изложения сначала рассмотрим письмо Гуго Сен-Викторского, хотя не исключено, что оно стало следствием послания Бернара. Произведение Гуго представляет собой документ, описывающий период отчаяния и дезориентации тамплиеров. По мнению Леклерка[137], речь шла о периоде между 1127 и 1130 годами, согласно Склафер[138] – чуть более позднем (естественно, не позднее 1141 года, года смерти Гуго Сен-Викторского)[139]. В 1131 году Фульк V Анжуйский, близкий друг тамплиеров, стал королем Иерусалима, женившись на дочери Балдуина Милисенде. В 1135 году во время Пизанского собора папа Иннокентий II официально представил орден тамплиеров Отцам Церкви и передал список всех праздников, которые те должны были соблюдать. Для поселений крестоносцев, осажденных с юга, из Египта, войсками шиитского Фатимидского имамата[140], а с севера и востока теснимых наместниками Алеппо и Мосула,

---

Крест toute single vermielle упоминается в «Хронике Эрнуля и Бернара Казначея», указ. соч., стр. 8.

[134] См. S. Cerrini, La passione dei templari. La Via Crucis dell'ordine cavalleresco più potente del Medioevo, Mondadori, Milano 2016, встречается в разных местах и, в частности, на странице 417 в сноске 18, где она начинает вносить исправления. Ее же La rivoluzione dei templari, ук. соч., стр. 27–30; сведения об уже достоверно установленном авторстве Гуго Сен-Викторского см. D. Poirel, Les Templiers, le diable et le chanoine: «Sermo ad Milites Templi» атрибутировано Гуго Сен-Викторскому, в J. Elfassi, C. Lanéry, A. M. Turcan-Verkerk, Amicorum Societas. Сборник в честь 65-летия Франсуа Долбо, Sismel, Firenze 2012, стр. 635–664. Перевод письма Christi militibus см. в S. Cerrini, L'apocalisse dei templari, Mondadori, Milano 2012, стр. 119–124.

[135] Гуго Сен-Викторский (1096–1141) – французский философ-схоластик, богослов, писатель и педагог.

[136] F. Cardini, Bernardo di Clairvaux. Lode della nuova cavalleria, цит.

[137] Скорее всего, автор имеет в виду Жана Леклерка (Jean Leclercq, 1911–1993), выдающегося французского монаха-бенедиктинца, богослова и медиевиста, внесшего значительный вклад в изучение духовности Средневековья, включая идеологию Крестовых походов.

[138] Скорее всего, автор имеет в виду Терезу Склафер (1876–1959), французского историка-медиевиста.

[139] Два результата основного исследования этого письма, содержащегося в рукописи № 37 муниципальной библиотеки Нима (л. 169 об. – 172 об.) J. Leclercq, Un document sur les débuts des Templiers, цит., стр. 81–91, переиздание, тот же автор, Recueil, цит., II, стр. 87–99, и C. Sclafert, Lettre inédite de Hugues de Saint-Victor aux chevaliers du Temple, в сборнике "Revue d'ascétique et de mystique", xxxiv, 1958, стр. 275–299. Дон Леклерк приписывал это письмо Гуго де Пейну; однако отец Склафер утверждал, что его автором был Гуго Сен-Викторский, приводя доводы, обоснованность которых признал и сам Леклерк. Он вновь обратился к изучению письма Гуго: J. Fleckenstein, Die Rechtfertigung der geistlichen Ritterorden nach der Schrift "De laude novae militiae" Bernhards von Clairvaux, в Die geistlichen Ritterorden, цит., стр. 9–11), считал вопрос об авторстве по-прежнему открытым. Тем не менее, принимая во внимание «сугубо церковный характер» письма и знание канонического права – явно чуждое Гуго де Пейну, – он продолжал считать, что автора следует искать в церковных кругах.Совсем недавно Доминик Селвуд нашел убедительные основания приписать этот текст Гуго де Пейну: («Quidam autem dubitaverunt»: The Saint,the Sinner, the Temple and a Possible Chronology, в сборнике M. Balard (под редакцией), Autour de la première croisade. Actes du Colloque de la Society for the Study of the Crusades and the Latin East, Clermont-Ferrand, 22–25 июня 1995, Publications de la Sorbonne, Paris 1996, стр. 221–230), следом S. Cerrini, Le fondateur de l'Ordre du Temple à ses frères: Hugues de Payns et le «Sermo Christi militibus», в M. Balard, B. Z. Kedar, J. Riley-Smith (под редакцией), Dei Gesta per Francos.Etudes sur les croisades dédiées à Jean Richard, Ashgate, Farnham 2001, стр. 99–110. Однако исследование Доминика Пуареля, выдающегося эксперта по трудам Гуго Сен-Викторского, закрыло этот вопрос, развеяв все оставшиеся сомнения.В свете этой недавней атрибуции связь тамплиеров с Гуго Сен-Викторским (ум. 1194), богословом, философом, библиотекарем, певцом и автором песен и единственным известным владельцем копии устава тамплиеров, с гимном и цитатой из Священного Тетраграмматона (IHVT), приобретает большое значение. Это приводит нас к очень интересной гипотезе о знаниях в XII веке иудейской философии и каббалы (S. Cerrini, La rivoluzione dei templari, цит., стр. 47–49 и далее 151–153). Подобные исследования, опирающиеся на сведения, весьма далекие от той двусмысленной эзотерики, что характерна для современности, поднимают вопрос о роли философско-мистических знаний в истории ордена.

[140] Фатимидский имамат (909–1171) – шиитская династия халифов, основанная на доктрине, по которой законными руководителями мусульманской уммы являются потомки пророка Мухаммеда через его дочь Фатиму. Фатимидские имамы, сооче-

формально зависимыми от Багдадского халифата[141], это были тяжелые времена. Именно они в период между 1144 и 1146 годами предопределили первый серьезный крах Иерусалимского королевства крестоносцев, лишившегося армянского города Эдессы[142], завоеванного еще в 1098 году Балдуином, братом Готфрида Бульонского и будущим королем Иерусалима. Падение Эдессы в 1144 году повлекло за собой новую военную экспедицию, аналогичную той, что имела место примерно полвека назад; под предводительством Конрада III, короля римлян (то есть короля Германии и избранного императора) и Людовика VII Французского начался Второй крестовый поход.

Тем временем при дворе в Иерусалиме вовсю развернулась борьба между различными фракциями и плелись интриги. В них была вовлечена даже Латинская церковь, и, следовательно, жизнь молодого братства тамплиеров, связанного с патриархом и канониками Иерусалима.

Недавняя атрибуция письма парижскому канонику Гуго Сен-Викторскому поднимает новые вопросы: кто сообщил Гуго, который никогда не бывал на Востоке, о сложной военной и политической ситуации в латинской Святой земле и когда это произошло? В любом случае письмо Гуго создает впечатление, что кризис тамплиеров вышел за рамки случайных военных или политических трудностей. Некоторые члены того, что письмо определяет как *общество (societas),* присоединившиеся в момент энтузиазма или дезориентации, наверняка уже далеко ушли от обычаев *светских ополчений (saecularis militia)*. Другие, вероятно, требовали от новой институции слишком многого, питая иллюзии о том, что путь к обращению будет гладким, и теперь с тоской задавались вопросом, не ошиблись ли они с выбором. Наконец, всех их наверняка терзали серьезные сомнения относительно статуса этой странной группы, к которой они принадлежали, находившейся где-то на полпути между покаянным братством и военным *comitatus* (отрядом) и пытавшейся совместить жизнь в борьбе с жизнью в молитве, богослужение с вооруженной службой, – словом, два образа бытия, которые христианская традиция *с древности* считала непримиримыми и несовместимыми. Все эти проблемы были отражены в письме Гуго с предельной, драматической ясностью. Призвание *(professio)* тамплиера было подвергнуто сомнениям *a quibusdam minus discretis,* с незначительными расхождениями во мнениях. Из письма не было ясно, кем были эти «крайне неразумные» люди, но маловероятно, что это были просто те, кто не вошел в общество, скорее всего, речь шла о священнослужителях, а не о мирянах. Под сомнением оказалась суть призвания тамплиеров: «Ваше призвание велит вам носить оружие против врагов веры и мира, защищая христиан» *(Professio vestra, qua vitam vestram ad portanda arma contra inimicos fidei et pacis pro defensio christianorum dedicastis)*. Позволительно ли сражаться тому, кто посвятил себя Господу? Гуго отвечает на этот вопрос, подчеркивая, что ведение войны против собственной плоти, против духовных искушений и, прежде всего, против характерного для рыцарства греха гордыни только помогает использовать оружие и против врагов Господа, осуществлять деяния, за которые следует ненавидеть грех, а не грешника – последнего следует любить, просто как человека, пусть даже он и враг. Поэтому можно сражаться без ненависти и даже забирать добычу у побежденных – при условии, что это совершается не из личного интереса или жадности. И действительно, отвечая на очередную серию вопросов или обвинений, Гуго заявлял о законности того, что тамплиеры забирали добычу после битвы, а также (он приводил отрывок из апостола Павла,

тавшие светскую и духовную власть, создали халифат в Северной Африке и Египте, бросив вызов суннитскому Аббасидскому халифату.

[141] Багдадский халифат (Аббасидский халифат) – феодальное теократическое государство (750–1258), возглавляемое династией Аббасидов со столицей в Багдаде.

[142] Сегодня – Урфа в Турции.

часто использовавшийся канониками для оправдания подобных деяний[143]) что клирикам разрешалось жить за счет алтарных подношений.

Гуго особо отметил, против кого и за кого должны были сражаться тамплиеры: *contra inimicos fidei et pacis* («против врагов веры и мира»), следовательно, это была *bellum iustum* (справедливая война) согласно принципам святого Августина, поскольку это была борьба с теми, кто нарушал мир, для того чтобы восстановить его[144], а также *pro defensione christianorum,* то есть ради защиты угнетенных христиан. Связь между этим призванием и *Pax Dei* была для него очевидна, так же как и августинский характер допустимости войны против тех, кто живет за счет угнетения, – *latrones*. Война, по сути, рассматривалась как акт справедливости. Однако это утверждение породило новые сомнения в душах тамплиеров, весьма серьезные, поскольку в нем виделся им грех гордыни. Гуго в письме неоднократно указывал, что гордыня – это корень греха Люцифера, тем более серьезный, что он замаскирован под стремление к совершенству и любовь к Господу. Разве применение оружия, задавался он вопросом, не отвлекает от достижения более высоких духовных целей? Может быть, мир и покой, истинная религиозная жизнь больше, чем пыль улиц и тяжесть оружия, подходят для людей, стремящихся к общению с Богом? За этим «стремлением к высшему порядку» *(desiderium ordinis alcioris)* скрывалась каноническая и одновременно психологическая проблема, которую очень четко сформулировал Леклерк: «Тамплиеры были не чем иным, как своего рода третьим орденом, связанным с регулярными канониками[145] храма Гроба Господня в Иерусалиме»[146]. Жить в тесном контакте с религиозным институтом, наподобие послушников, было популярно в этот период среди мирян, принявших сторону церковной реформы. Эти выводы позволяют считать, что письмо Гуго было написано еще до появления и вступления в ряды цистерцианцев Бернара, и определить его авторство – *sui generis,* явление совершенно уникальное. Оно имело скорее моральное, чем каноническое значение; это было послание от ордена Храма к ордену цистерцианцев, когда сообщество кающихся рыцарей, объединившееся вокруг Гуго де Пейна, искало пути включения в церковные структуры.

Однако презрение к мирской жизни воинов и стремление к миру в монастыре в данном случае было искушением, полагал Гуго. На самом деле не место и не одежда, но внутреннее обновление обеспечивали полное и целостное *conversio*. Нельзя пренебрегать государственными обязанностями, возложенными на каждого Провидением, поддаваясь соблазну условий и состояний, кажущихся превосходными и совершенными. Например, если долг зовет, неприемлемо предаваться созерцанию. И особый долг каждого – прежде всего упорство, потому что в погоне за «высшим» и «лучшим» государством можно нанести ущерб устойчивости самих основ, на которых зиждился церковный порядок. С другой стороны, самые скромные обязанности так же важны, как самые почетные, и часто последние возможны только при условии безупречного исполнения первых. Именно в этом месте основная тема, составлявшая лейтмотив письма Гуго, – смирение, понимаемое в монашеском смысле, противоядие от рыцарской гордыни, даже замаскированной под стремление к аскетизму, сливается с темой братства внутри *societas (общества)*. Орден тамплиеров делился на несколько уровней: на самом верх-

---

[143] Первое послание к Тимофею, глава 5, стих 18.

[144] Таким образом, христианский рыцарь был «мирный» в смысле «миротворец». Эта формулировка первоначально принадлежала Св. Августину («esto ergo bellando pacificus»; Augustine, Epistolae 189.6, in PL 33, кол. 816), была возрождена в конце XIII века для рыцарских посвящений, в соответствии с Pontificale Romanum («Esto miles pacificus, strenuus, fidelis et Deo devotus», M. Andrieu, Le Pontifical Romain au moyen-âge. III – Le Pontifical de Guillaume Durand, Città del Vaticano 1940, стр. 449).

[145] Регулярные каноники – монашеские общины каноников, после григорианских реформ также монашеские конгрегации и ордены, принявшие устав святого Августина. Движение регулярных каноников начало формироваться в 1059 году – общины регулярных каноников, действовавшие на основании устава святого Августина, организовывались при храмах, часовнях и монастырях, что приводило к появлению различных форм организации монашеского общежития.

[146] J. Leclercq, Un document sur les débuts des Templiers, цит., стр. 92, изд.1966.

нем находились собственно *milites,* наделенные рыцарским достоинством; затем шли *капелланы (capellani),* то есть священники (с 1139 года); *сестры (sorores),* которые, согласно уставу Труа, не должны были входить в Храм (что игнорировалось на практике); вспомогательные войска из местных, или туркополы-лучники[147], и, наконец, многочисленные категории, которые изменились и стали более конкретными при смене устава 1129 года на более поздний. К ним относились младшие чины. При этом все еще можно выделить большую группу служащих, военных и ремесленников – *servientes (слуг), armigeri (оруженосцев)* и *famuli (учеников)*. Подобно *последователям, conversi,* других монашеских орденов, они выполняли все необходимые второстепенные военные и бытовые задачи. Еще была категория рыцарей, присоединившихся к ордену, фактически не вступая в него, или которые пришли на время, чтобы сражаться в его рядах. Они подчинялись дисциплине ордена, но затем возвращались в мир[148].

Однако «истинными» тамплиерами были (или, по крайней мере, считали себя) только *milites:* только им разрешалось носить белый плащ, похожий на цистерцианское одеяние, символ целомудрия и избранности. Словом, сообщество тамплиеров, как и другие средневековые религиозные институции, делилось на ранги в зависимости от задач его членов, что, будучи оправданным с точки зрения его функциональности, грозило, хотя бы отчасти, подорвать принципы и атмосферу братства. А поскольку они были рыцарями, то есть бывшими представителями феодальных правящих классов, то все разногласия внутри ордена были еще глубже и опаснее: религиозный эгалитаризм вошел в противоречие с военной структурой, четко разграниченной и иерархической, что грозило усилением традиционного менталитета, предрасположенного к неравенству по своей природе, и конфликтами. Иными словами, напряжение и подозрения были обычным явлением в любом ордене, но в среде тамплиеров они смогли проявиться особенно ярко: рыцари, образовавшие *societas,* несмотря на то что имели за плечами личный кризис и муки *conversio,* не могли ни автоматически, ни легко избавиться от прежних представлений. Уверенность в собственной избранности, распространенная среди *milites,* не могла не вызывать недовольства у *armigeri* и *famuli,* которые чувствовали себя, по мнению Гуго, *partecipes laboris* (рабочими лошадьми), не допущенными *ad particionem fraternitatis* (к участию в братстве). Не смог он умолчать в письме и о том, что подобные отношения были тем опаснее, чем больше они рисковали подорвать внутренний мир, то есть самое драгоценное христианское наследие, которое к тому же позволяло вести войну против неверных, то есть выполнять основную задачу *societas*. Поэтому он рекомендовал поддерживать гармонию и напомнил, что проявление добродетели тем более похвально, чем больше оно сокрыто и лишено вознаграждения. Ведь там, где служат Христу, усилия и так обязательно будут вознаграждены адекватной наградой.

На первый взгляд, сравнение письма Гуго и *Liber de laude* Бернара[149] может привести к выводу, что это два противоположных взгляда на общество тамплиеров. Однако верно как раз обратное[150].

---

[147] Туркополы – конные лучники, нанимавшиеся христианскими государствами во время крестовых походов. Они происходили от смешанных браков турок и греков, христианизировавшихся сельджуков, сирийских православных христиан, и служили в качестве легкой кавалерии: застрельщиками, разведчиками, конными лучниками и в качестве второй линии в нападении, прикрывая с тыла франкских рыцарей.

[148] Иерархическую структуру ордена см. статью S. Cerrini, Rangs et dignités dans l'ordre du Temple au regard de la règle, в сборнике N. Bériou, Ph. Josserand, L. F. Oliveira (под редакцией), Élites et ordres militaires au Moyen Âge. Rencontre en l'honneur d'Alain Demurger, Casa de Velázquez, Madrid 2015, стр. 169–187.

[149] «О похвале новому воинству, к воинам Храма» (Liber ad milites templi de laude novae militiae) Бернара Клервоского – послание к Гуго де Пейну, написанное ок. 1132–1136 годов. В нем Бернар писал об отличии «нового», христианского, рыцарства от «старого», мирского, и оправдывал военные действия (крестовые походы) против неверных.

[150] Эти два текста настолько гармонично дополняют друг друга, что Леклерк выдвинул интересную гипотезу: при работе над трактатом De laude («Похвала новому воинству») Бернард опирался не только на устав тамплиеров – в создании которого он сам принимал участие, – но и на лаконичное письмо Гуго. Сопоставление устава, принятого в Труа, трактата De laude и письма Гуго, по-видимому, подтверждает предположение о том, что De laude был написан до 1129 года в качестве подготови-

Разница между письмами касается в основном (помимо различий в интонациях писем, в их стилистике и слоге) подхода к проблеме. Гуго отталкивался от своих знаний о кризисе и его внутренних предпосылках, чтобы создать *exortatio,* увещевание, которое помогло бы рыцарям воспрянуть, дать им осознать всю необычность и глубину своего призвания, взглянуть на события внутри ордена так же, как и на критику, обрушившуюся на него извне. В то же время он проясняет аспекты призвания *pauperes milites Christi,* которые те не смогли осознать самостоятельно. В отличие от Гуго, Бернар не описывал образ существовавшего на тот момент ордена – он говорил о своих надеждах на то, каким орден мог бы стать, и хотел продемонстрировать свое ви́дение остальному христианскому миру. Тут нужно пояснить: Бернар вовсе не был фанатом войны (даже «священной»), каким его пытаются представить некоторые. Недоразумения возникли именно на почве *De laude* («О похвале новому воинству, к воинам Храма») и его проповеднической деятельности, которую он вел во время Второго крестового похода. Однако в том, что касается первого пункта, следует отметить, что его похвала новому ополчению была полностью основана на резкой, бескомпромиссной и беспощадной критике мирского рыцарства. Он хвалил новое ополчение именно за то, что оно было тем рыцарством, которое перестало им быть. Ведь орден стал монашеским, пусть и своеобразным, где «граница, проведенная между мирянином и монахом, исчезала»[151]. Но даже страстно пропагандируя крестовый поход, Бернар делал это прежде всего на базе точного папского указа, основываясь на вере в то, что война между христианами и неверными была следствием и результатом (в определенном смысле даже условием) мира среди христиан[152]. Борьба с врагами Христа была неизбежна в той мере, в какой не было иных средств противодействовать их силе. *Iter hierosolymitanum* (путь, путешествие в Иерусалим, поскольку название «крестовый поход» еще не использовалось) представлялся ему провиденциальной возможностью покаяния и обращения для тех мирских рыцарей, тщеславие которых он осуждал в *De laude*[153]. Словом, это было покаянное оправдание, которое в системе ценностей Бернара сопровождало и опыт крестового похода, и рождение ордена Храма.

Мы уже говорили, что отношение к воинам Христовым и войне разделили пополам реформаторский мир XI века: григорианская его половина поощряла использование оружия на службе у Церкви, вторая, аскетическая, укрепившаяся в жестких рамках традиции, полагала, что вне стен монастыря не может быть ни воинов Христа, ни в целом спасения. Бернар, явно противопоставлявший *militia Dei* и *militia saeculi,* несомненно, относился ко вторым: ранее он разделял точку зрения святого Петра Дамиани, от которой тем не менее он отступил впоследствии – что немаловажно, но ведь и обстоятельства кардинально изменились, – и оправдал войну против неверных. Разница во взглядах очевидна на примере отношения папы Григория VII и Бернара Клервоского к похожим случаям. Первый сожалел, что Гуго, граф Бургундский, отказавшись от активной защиты Церкви, ушел в аскезу в монастырь Клюни, а второй, казалось, был совсем не рад, что Гуго Шампанский, высказав ранее желание принять цистерцианское облачение, позволил себе увлечься идеалом тамплиеров[154]. Несомненно, в этом конкретном случае его недовольство было связано в основном с тем, что «его» орден перешел в подчинение к человеку, о котором он беспокоился. И эти чувства возникли у него не из-за

тельного материала к заседаниям собора. См.: S. Cerrini, La rivoluzione dei templari, цит., стр. 66–70.

[151] «La limite tracée entre le laïc-guerrier et le moine s'efface» («Граница, проведенная между воином-мирянином и монахом, стирается», пер. с фр.) цит. по P. Rousset, Les laïcs dans la croisade, in I laici, стр. 436. Этой статье мы также обязаны ясным и исчерпывающим анализом сочинения De laude, к которому мы и отсылаем читателя (стр. 436–443).

[152] Об идеях крестовых походов у св. Бернара: P. Alphandéry, A. Dupront, La Cristianità e l'idea di crociata, cit., стр. 159–172, 186–187; Rousset, Les origines, цит., стр. 152–168; J. Leclercq, Pour l'histoire de l'encyclique de saint Bernard sur la croisade, в сборнике M. E-R. Labande, Études, цит., стр. 479–490.

[153] Св. Бернар: Epistola 31, в PL, clxxxiii, кол. 135–136; см. E. Vacancard, Vie de saint Bernard, цит., I, стр. 236; G. Goyau, Saint Bernard, Paris 1927, стр. 66.

[154] Св. Бернар: Epistola 31, в PL, CLXXXIII, кол. 135–136; см. E. Vacancard, Vie de saint Bernard, цит., I, стр. 236; G. Goyau, Saint Bernard, Paris 1927, стр. 66.

тщеславной привязанности к своему облачению и своему уставу, а скорее из-за осознания, что их сравнили с иным облачением и уставом. Но была еще одна причина: Бернар сомневался в духовности общества, которое, в силу своей увлеченности войной, не гарантировало в достаточной степени, что сможет отринуть мирское, *saeculum*. Для него жизнь в молитве и строгая дисциплина монастыря были условием и гарантией зачисления в *militia Dei*[155]. Даже в значимости крестовых походов и собственно паломничества, легшего в их основу и сформировавшего их суть, у Бернара были серьезные сомнения. В этом отношении весьма поучительно его письмо епископу Линкольнскому: в нем описан случай с одним священнослужителем, отправившимся в Святую землю, но оставшимся в Клерво: там паломник нашел истинный Иерусалим – духовный[156]. Мистический *itinerarium,* путь к Богу, был важнее, чем *itinerarium ad Loca Sancta,* путь к Святому месту, служивший всего лишь бледным материальным символом пути к Богу, бессмысленным вне покаяния и милосердия, поэтому не было и никакого иного *militia Christi,* воинства Христова, кроме того, что в молчании и уединении боролось с грехом.

Возникает вопрос: как тот, кто в 1125 году заклеймил графа Шампани за вступление в орден тамплиеров, спустя всего четыре года смог принять орден в церковное лоно и даже написать в его честь трактат, который благодаря строгой логике, силе мистического вдохновения, воистину библейскому совершенству красноречия, без сомнения, является одним из самых прекрасных произведений, им созданных? Бернар должен был предпринять весьма серьезные усилия, чтобы понять и переосмыслить миссию, взятую на себя тамплиерами[157]. Сохраняя верность традиционному взгляду на монашество, он не любил нововведений, особенно тех, которые открывали обитель для мирского взгляда и могли отвлечь от молитвы и размышлений. Твердо придерживаясь принципа *stabilitas loci,* то есть храня приверженность одному постоянному месту, он не доверял путешествиям и паломничествам, считая их бесполезным источником соблазнов[158]. Удалившись из мира рыцарства, который был ему не чужд, ведь он принадлежал к нему по рождению и ценил в юности, прежде чем окончательно от него отказаться[159],

---

[155] Таким образом, существовал лишь один способ вступить в militia Dei: раз и навсегда оставить saeculum и уйти в монастырь. См. эпизод, рассказанный в его Vita prima, i, xi, стр. 55–56, в котором он критикует нескольких рыцарей: мы видим типичную «банду» молодых людей, которые в начале Великого поста отправляются на турнир и, раскаявшись, становятся монахами (E. Vacancard, Vie de saint Bernard, цит., стр. 399–400; см. также Fragmenta Gaufredi, в "Analecta Bollandiana", l, 1932, стр. 110). Этот эпизод, наряду с письмом, в котором святой Бернар просит Сугерия из Сен-Дени вмешаться и предотвратить поединок (Epistola 376; см.: PL, CLXXXII, кол. 581), свидетельствует об участии Бернара в еще одном характерном для Церкви того времени начинании, касающемся рыцарского сословия, – борьбе с турнирами, рыцарскими состязаниями и поединками. Литература, посвященная турнирам, весьма обширна; мы ограничимся лишь тем, что отметим J. Fleckenstein (под редакцией), Das ritterliches Turnier im Mittelalter, Göttingen 1985.

[156] Св. Бернар, Epistola 64, in pl, clxxxiii, кол. 169. По вопросу об оппозиции аскетов и паломников см. статью J. Leclercq, Monachisme et peregrination du IX au XII siècle, в сборнике "Studia monastica", iii, 1961, стр. 33–52; статью G. Constable, Opposition to pilgrimage in the Middle Ages, в сборнике Mélanges Gérard Fransen ("Studia Gratiana", xviii), Roma 1975. О случаях участия монахов в крестовом походе см. статью J. A. Brundage, A Trasformated Angel (x 3. 31. 18), в сборнике The problem of the crusading monk, in Studies in medieval cistercian history presented to Jeremiah F. O'Sullivan, Spencer 1971, стр. 55–62.

[157] О взаимоотношениях между орденом тамплиеров и святым Бернаром см. страницы, посвященные этой теме, в E. Vacancard, Vie de saint Bernard, цит., стр. 232–254, и статью P. Cousin, Les débuts de l'Ordre du Tempie et saint Bernard, в сборнике Aa.Vv., Mélanges saint Bernard, цит., стр. 41–52. Об отношениях с цистерцианцами см. F. Tommasi, Per i rapporti tra Templari e Cistercensi. Orientamenti e indirizzi di ricerca, в I templari. Una vita tra riti cavallereschi e fedeltà alla Chiesa, под редакцией G. Viti, Certosa di Firenze 1995, стр. 255–260.

[158] Такое отношение к паломничеству было распространено среди монахов. Однако XII век стал эпохой перемен в религиозных обычаях: см. доклад G. Constable, Cluny-Citeaux-La Chartreuse. San Bernardo e la diversità delle forme di vita religiosa nel xii secolo, в Studi su S. Bernardo di Chiaravalle nell'ottavo centenario della canonizzazione (Atti del convegno internazionale Certosa di Firenze, 6–9 novembre 1974), Roma 1975, в котором на странице 104 тамплиеры приводятся именно как пример многообразия религиозных форм, существовавших в том столетии.

[159] Интересные наблюдения о рыцарской среде, в которой вырос Бернар, и о сохранении рыцарских черт в его менталитете см. E. Vacancard, Vie de saint Bernard, цит., i, стр. 1–24; G. Goyau, Saint Bernard, цит., стр. 9, 14–15, 39; статьи соответственно G. G. Coulton, Saint Bernard guerrier de Dieu, и H. Charrier, Le sens militaire chez saint Bernard, entrambi в сборнике Aa.Vv., Saint Bernard et son temps, i, Dijon 1968, стр. 121–129 и 68–74, во второй статье отмечается, что Бернар обладал военным складом ума в силу своего воспитания, призвания и темперамента и что в этом смысле он всегда «оставался miles, и сыном подлинных milites», как выражается его биограф Гильом из Сен-Тьерри. Не помешает также заглянуть по этой теме

Бернар считал любую военную деятельность несовместимой с духовным государством. Свои строгие и четкие убеждения он пунктуально повторил в письме *De laude*. Почему же, по его мнению, тамплиеров нужно было не только беречь и ценить, но и возвеличивать? Да потому, что рыцари, состоявшие в ордене (в который, как мы знаем, входили также священники и *servientes,* слуги), были не только воинами, но и истинными монахами: *monachi mansuetudo (…) militis fortitudo* («кроткость монаха… стойкость солдата»)[160], блюли послушание, целомудрие и бедность.

Важно также уточнить, каким образом Бернар, никогда не интересовавшийся земным Иерусалимом и происходящим в нем, познакомился с тамплиерами. Весьма вероятно, что изначально сами тамплиеры, по своей воле или чьему-то поручению, обратились к нему, ведь Бернар, несмотря на относительно молодой возраст, к тому моменту, когда Гуго де Пейн предпринял путешествие в Европу, был духовным лидером христианского Запада. Но было и еще кое-что: возможно, между магистром ордена тамплиеров (которого ошибочно называют «великим магистром») и аббатом Клерво существовали некие родственные связи[161] и, скорее всего, они были лично знакомы друг с другом. Замок Монтиньи, владение рода Гуго, находился недалеко от Монбара, колыбели знатного рода, из которого происходила мать Бернара. Позднее один из его дядей по материнской линии, Андре де Монбар, в свою очередь стал магистром ордена тамплиеров[162]. Идея создания монашеского ордена, в котором рыцари занимали бы важное место, должно быть, настолько увлекла Бернара, что побудила его – человека, который обычно был осторожен и недоверчив, сталкиваясь с новшествами – выступить в некотором смысле гарантом и духовным отцом инициативы Гуго де Пейна. И действительно, идея военно-религиозного ордена, а точнее, внедрения идеалов и жизни рыцарства в монашестве, была настолько оригинальна, что трудно удержаться и не приписать ее непосредственно аббату Клерво, а не безвестному рыцарю из Шампани, чье воспитание и религиозность, предположительно, были простоваты и примитивны. Вряд ли идея ордена родилась на основе наблюдения за мусульманской средой, например за мистическими воинами рибаата, *riba't*[163], поскольку уровень конкретных знаний об исламе у крестоносцев в те первые десятилетия был еще слишком поверхностным, чтобы их оценить. Аргументы, выдвигаемые в защиту противоположной точки зрения, слишком слабы и не подкреплены доказательствами. В более поздние периоды причинно-следственные связи наверняка изменились, и тамплиеры стали главными лидерами крестовых походов в противостоянии исламской цивилизации[164], причем не только в военном смысле.

Принадлежала ли идея религиозно-военного ордена Бернару Клервоскому или нет, была ли она таковой полностью или частично – следует отметить, что до собора в Труа не было ника-

---

в P. Rousset, Saint Bernard et l'idéal chevaleresque, цит., стр. 28–35. Полезные сведения, пусть и не только о рыцарях, можно почерпнуть в статье J. Leclercq, Psicologia e vita spirituale in san Bernardo, в сборнике Aa. Vv., Studi su San Bernardo di Chiaravalle nell'ottavo centenario della canonizzazione, Casa Editrice Certosa Cultura, Firenze 1975, стр. 215–243; Во вступительном слове к тому же изданию (стр. 18) С. Кляйнер вновь подчеркнул «рыцарский характер» Бернара. Деталь, второстепенная по отношению к самому Бернару, но интересная для социологического изучения рыцарства, – это описание его отца как vir antiquae et legitimae militiae в Vita prima (I, 1; PL, CLXXXII, кол. 227). Это свидетельствует о том, что уже в первой половине XII века начался процесс «смыкания рядов» рыцарского сословия – вплоть до того, что можно было говорить об antiqua et legitima militia, – и что возможность посвящения в рыцари стала зависеть от происхождения.

[160] Св. Бернар De laude, iv, 8; в том же духе Петр Достопочтенный, аббат Клюни, обращался к тамплиерам, призывая их: «Estis monaci virtutibus, milites actibus» (Petri Venerabilis Epistolae, vi, 26. Ebrardo magistri Templi Dei, в pl, clxxxiii, кол. 169).

[161] См. J. Leclercq, Un document sur les débuts des Templiers, цит., стр. 88.

[162] См. E. Vacancard, Vie de saint Bernard, цит., i, стр.. 254; биографию Андре де Монбара см. в M. L. Bulst-Thiele, Sacrae Domus Militiae Templi Hierosolymitani Magistri, цит., стр. 57–61

[163] Вероятно, именно в Испании, а не на Востоке христиане впервые столкнулись с «рибаатом» – явлением, в котором сочетались мистическое и военное начала. Существует обширная литература, посвященная контактам между рыцарями-тамплиерами и Старцем Горы – предводителем ассасинов. И хотя подобные контакты действительно имели место, эта тема зачастую обрастала чрезмерными домыслами и фантазиями.

[164] См. примеры терпимости тамплиеров в F. Gabrieli, Storici arabi delle crociate, Torino 1963, стр. 79–80.

ких оснований полагать, что Гуго де Пейн и его последователи собирались отойти от практики мирского покаяния. Напротив, новый орден вполне последовательно отвечал цистерцианским идеалам постепенного и полного перехода общества в монашество[165]

[165] У A. Dimier, Der heilige Bernhard und die “conversio”, “Anima”, viii, 1953, стр. 72, подчеркивается бернардинская идея «extra Cistercium, nulla salus».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.